У54
548

Современная Библіотека.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ВѢЧЕ и КНЯЗЬ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 20 коп.

947
Д-58
754-548
Инв. собр. кн. № 143

Современная Библіотека.

Проф. М. Довнаръ-Запольскій.

ЗАСАМАРСКАЯ
Городская публичная
БИБЛІОТЕКА
№ по инвент. 947 1871

ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ
ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Вѣче и князь.

Изданіе
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Дозволено цензурою. Москва, 7 марта 1906 года.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 25930 19

Вѣче и князь.

١٤٨

ЗАСАМАРСКАЯ
Городская публичная
БИБЛІОТЕКА
№ по инв. 9447 1871
I.

Вѣче.

Въ древней Руси верховная власть въ княженіяхъ не была сосредоточена въ одномъ лицѣ или учрежденіи: она дѣлилась между княземъ и вѣчемъ. Вѣчемъ называлась народная сходка самаго разнообразнаго характера. Собирается ли вся земля для обсужденія такого важнаго вопроса, какъ выборъ новаго князя, для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ, — такое собраніе называется вѣчемъ. Во время похода земское ополченіе не желаетъ слѣдовать за княземъ далѣе извѣстнаго пункта, потому что оно изнемогло, лагерь превращается въ народное собраніе—вѣче. Партіи тайно по ночамъ собираются по дворамъ своихъ вожаковъ для того, чтобы сговориться о дѣйствіяхъ противъ князя, и эти сходки на древнерусскомъ языкѣ назывались „дѣяти вѣчь“. Возбужденная народная толпа собирается на площади, совершаетъ цѣлый переворотъ, изгоняетъ одного князя и призываетъ другого, и въ данномъ случаѣ народъ дѣйствуетъ вѣчемъ.

Итакъ, въ древнерусскомъ быту подъ именемъ вѣча разумѣлось всякаго рода народное собраніе, сходка, совѣщаніе. Вѣче, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, представляло собой органъ политической жизни земли. Вѣче никогда и нигдѣ, ни въ какой землѣ, не имѣло

строго опредѣленныхъ формъ, никакой законъ не опредѣлялъ правъ вѣча, его круга дѣятельности, способовъ рѣшенія и т. п.: народъ свободно, когда хотѣлъ, и въ той формѣ, какая ему казалась наиболѣе удобной, выражалъ свою волю. По взглядамъ самого тогдашняго общества и представителей власти — князей, такое выраженіе воли народа было дѣломъ вполнѣ естественнымъ и всѣми признавалось.

Такъ какъ вѣче не было связано никакими формулами, то [характеръ его, какъ и всякаго бытового явленія, можетъ быть понятъ только въ томъ случаѣ, если присмотрѣться къ вѣчу въ той самой обстановкѣ, въ какой оно было въ дѣйствительности. Мы такъ и сдѣлаемъ и прежде всего разскажемъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ случаевъ вѣчевыхъ собраній.

Когда въ 1174 г. былъ убитъ владимиро-суздальскій князь знаменитый Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, то жители важнѣйшихъ городовъ Суздальской земли, изъ Ростова, Суздаля и Переяславля, съѣхались отъ „мало и до велика“ во Владиміръ и тутъ стали разсуждать на вѣчѣ объ избраніи новаго князя. Вотъ какъ говорили на этомъ вѣчѣ: „Вотъ такъ ужъ сотворилось, убитъ нашъ князь, а дѣтей у него нѣту: сынокъ его малъ въ Новгородѣ, а братья его на Руси. За кѣмъ же изъ князей намъ послать? Князья муромскіе и рязанскіе намъ сосѣди, а мы боимся мести ихъ, если внезапно они пойдутъ на насъ, когда у насъ нѣтъ князя. Пошлемъ мы къ Глѣбу (князю рязанскому) и скажемъ ему: князя нашего Богъ взялъ, а мы хочемъ твоихъ шурьевъ, Мстислава и Ярополка Ростиславичей“. Какъ видно изъ послѣдующаго разсказа, самимъ избраннымъ князьямъ послы отъ вѣча должны были сказать: „Вашъ отецъ былъ добръ, когда у насъ княжилъ, поѣзжайте къ намъ княжить, а иныхъ мы не хочемъ“.

Такъ рѣшенъ былъ во Владимирѣ вопросъ о выборѣ новаго князя. Въ томъ, что жители сами намѣтили себѣ князя и выбрали, не было ничего необычнаго: какъ въ другихъ земляхъ, такъ и въ Суздальской землѣ народное вѣче привыкло обсуждать этотъ вопросъ, разъ преемникъ не былъ намѣченъ при жизни правящаго князя, или если князь оказывался не угоднымъ вѣчу.

Правящій князь иногда съ большими осторожностями подходилъ къ вопросу о своемъ преемникѣ: это зависѣло отъ того, насколько князь былъ популяренъ.

Въ 1146 г. кіевскій князь Всеволодъ, изъ нелюбимыхъ кіевлянами черниговскихъ Ольговичей, весьма сильно заболѣлъ. Возвращаясь изъ похода, онъ остановился подъ Вышгородомъ и сюда призвалъ къ себѣ „кіянъ“, т.-е., конечно, наиболѣе вліятельныхъ представителей кіевскаго вѣча. „Я очень боленъ,—говорилъ имъ князь,—а вотъ братъ мой Игорь, согласитесь принять его“. Кіевляне ему отвѣтили: „Княже, мы рады имѣть Игоря“. Присутствовавшіе у одра больного кіевляне вмѣстѣ съ Игоремъ отправляются въ Кіевъ, собираютъ народное вѣче, куда пришли уже „всѣ кіяне“, и подтверждаютъ Игорю его избраніе: „Ты намъ князь“, говорили они ему, цѣлуя крестъ. На слѣдующій день Игорь отправился въ Вышгородъ и тутъ ему цѣловали крестъ вышгородцы. Такая сложная процедура понадобилась потому, что Всеволодъ и Игорь хотѣли связать кіевлянъ предварительнымъ обѣщаніемъ съ ихъ стороны: сначала потребовались переговоры съ „лучшими“ изъ кіевлянъ, за ними новаго князя признала и чернь.

Но кіевляне не были искренни. Когда умеръ Всеволодъ, Игорь собралъ новое вѣче на горѣ, на ярославовомъ дворѣ, и тутъ снова кіевляне цѣловали ему крестъ. Очевидно, тутъ на виду у князя и его дружины кіевляне не могли пуститься въ свободныя разсужденія. Тогда съ Ярославова двора они отправились къ мѣсту, назы-

вавшемуся Туровой Божницей, вѣроятно, на рыночной площади. Тутъ вѣче рѣшило, что съ Игоремъ надо заключить „рядъ“,—выговорить нѣкоторыя условія. Сговорившись, вѣчники послали къ князю сказать: „Княже, пріѣдь къ намъ“. Игорь отправился со своею дружиною и со своимъ братомъ Святославомъ и остановился, не доѣзжая толпы. Въ средину вѣча князь послалъ брата своего Святослава. Ему вѣчники начали „складывати вину“ на кіевскаго и вышгородскаго тіуновъ: „Ратша погубилъ Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ. А нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ съ братомъ своимъ на томъ: если кому изъ насъ будетъ обида, такъ ты суди“. Какъ Святославъ, такъ и кіевляне во время этихъ переговоровъ сидѣли на коняхъ. Святославъ сошелъ съ лошади и цѣловалъ всему вѣчу крестъ на томъ, что „не будетъ вамъ никакого насилія, а тіунъ вамъ по вашей волѣ“. Тогда и всѣ кіевляне сошли съ лошадей и снова крестъ цѣловали за себя и за дѣтей своихъ, что имъ не „льстить“ подъ Игоремъ и Святославомъ. Въ сопровожденіи „лучшихъ“ кіевлянъ Святославъ съ вѣча отправляется къ брату Игорю и говоритъ ему: „Брате, на томъ я цѣловалъ къ нимъ крестъ, что ты будешь имѣть ихъ въ правду и любить“. Игорь сошелъ съ коня и тоже цѣловалъ къ нимъ крестъ: „На всей ихъ волѣ и на братней“.

Итакъ, кіевляне сначала признали Игоря своимъ княземъ, очевидно, не рѣшаясь ему предложить „ряда“ относительно суда. Неизвѣстно, что удерживало кіевлянъ отъ предложенія своихъ условій: вѣрнѣе всего, они чувствовали свою слабость въ виду черниговской дружины Игоря. Всеволодъ имъ не нравился потому, что поставилъ такихъ тіуновъ судьями, которые ихъ грабили; оттого и только что описанное вѣче кончилось взрывомъ народнаго негодованія: толпа устремилась на дворъ Ратши и на дворы мечниковъ и разграбила ихъ.

Разсказанный эпизодъ очень живо рисуетъ намъ тогдашнюю жизнь. Въ другихъ случаяхъ, чувствуя за собой силу, кіевское вѣче прямо и ясно высказываетъ свое желаніе относительно князя. Теперь оно колеблется, можетъ-быть, и потому еще, что само вѣче не было единодушно, что и въ его средѣ были приверженцы черниговскихъ Ольговичей. Не удивительно поэтому, что и потомъ противники Ольговичей продолжали тайно совѣщаться, какъ бы перельстити Игоря, впрочемъ очень скоро они и „перельстили“ своего князя и посадили на кіевскомъ столѣ Мономахова внука Изяслава Мстиславича.

Не надо, однако, думать, что кіевляне не считали себя въ правѣ посадить того князя, котораго сами хотѣли: дѣло было не въ теоретическомъ признаніи права, а въ практическомъ его примѣненіи. Что вѣче иногда вело сложную политику съ князьями, можетъ показать слѣдующій эпизодъ изъ исторіи Полоцкой земли. Полоцкъ съ своими многочисленными пригородами по отношенію къ своимъ князьямъ занялъ такое же положеніе, какъ и Новгородъ: изгнаніе князей и водвореніе новыхъ было здѣсь дѣломъ обычнымъ какъ для самого Полоцка, такъ и для его пригородовъ. Въ 1151 г. полочане посадили у себя княземъ Ростислава Глѣбовича, а своего князя Рогволода Борисовича посадили въ заточеніе въ городѣ Минскѣ. Черезъ 8 лѣтъ освободившійся изъ заключенія Рогволодъ съ вспомогательной дружиной Святослава Ольговича черниговскаго появляется въ предѣлахъ Полоцкой земли и сталъ пересылаться съ пригородомъ Полоцка—Друцкомъ. Дручане „рады ему были“, выѣхали къ нему навстрѣчу и приняли съ превели́кою честью. А своего князя Глѣба Ростиславича прогнали, не позабывъ ограбить и дворъ его. Когда въ Полоцкѣ стало извѣстно о появленіи Рогволода въ Друцкѣ, тутъ тоже начался „великій мятежъ“, потому что многіе хотѣли Рогволода. Ростиславъ съ трудомъ успокоилъ толпу, ода-

ривъ недовольныхъ многими дарами и приведя ихъ къ крестному цѣлованію. Однако это мало помогало. Рогволодъ прочно утвердился въ Друцкѣ и въ самомъ Полоцкѣ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Видимо, для изгнанія Ростислава не было серьезной причины, а между тѣмъ полочане цѣловали ему крестъ, что никакого „извѣта“ не искать на Ростислава, т.-е. безъ причины не взводить никакого обвиненія на него, не вѣрить никакимъ напраснымъ слухамъ. Эта формула клятвы, очевидно, многихъ смущала; однако въ концѣ-концовъ полочане рѣшили отступить отъ своего князя и призвали Рогволода. Они отправили къ нему втайнѣ пословъ въ Друцкъ и велѣли сказать ему: „Княже нашъ, согрѣшили мы Богу и тебѣ, что возстали на тебя безъ вины съ твоей стороны и добро все твое и твоей дружины разграбили, а тебя самого, поймавши, выдали Глѣбовичамъ на великую муку. Если ты не вспомнишь теперь всего того, что мы своимъ безуміемъ тебѣ сотворили и крестъ къ намъ цѣлуешь, то мы—твои люди, а ты—нашъ князь. А Ростислава мы поймаемъ и отдадимъ тебѣ въ руки, да что хочешь, то и сотвори ему“. Дѣйствительно, полочане пытались измѣною схватить своего князя Ростислава, но это не удалось имъ, и Ростиславъ, узнавъ въ чемъ дѣло, долженъ былъ уйти изъ Полоцка въ Минскъ. Рогволодъ водворился въ Полоцкѣ на столѣ дѣда и отца своего „съ честью великою, и такъ рады были полочане“.

Это эпизодъ изъ жизни окраинъ тогдашней Руси. Полочане схватываютъ одного князя и выдаютъ его „на муку“ его сопернику: то же самое они хотятъ сдѣлать и съ другимъ княземъ, только это не удалось имъ. Вѣроятно, въ первомъ случаѣ народное вѣче имѣло какой-нибудь извѣтъ на Рогволода, хотя, какъ потомъ дѣло выяснилось, дѣйствительной вины и не было. Полочане очень хорошо сознаютъ за собой право мѣнять князей

они раскаиваются только въ томъ, что безъ вины выгнали. Также безъ вины прогнанъ Глѣбъ изъ Друцка и его отецъ Ростиславъ изъ Полоцка.

Выше приведены описанія вѣчевыхъ собраній, когда дѣло касалось установленія княжеской власти. Теперь познакомимся съ другими сторонами вѣчевой жизни.

Не всегда вѣче рѣшало дѣло единодушно: иногда граждане раскалывались на партіи. Особеннымъ упорствомъ отличались партіи въ Новгородѣ, и тутъ борьба между партіями доходила до кровавыхъ столкновеній. Вотъ, напр., какой произошелъ расколъ среди новгородцевъ по слѣд. поводу. Княземъ былъ арестованъ нѣкто Матвѣй Душильцовичъ. Новгородцы отняли его и начался въ городѣ мятежъ: граждане были возмущены тѣмъ, что Матвѣй былъ арестованъ безъ вины, чего нельзя было сдѣлать по новгородскимъ законамъ. Разнесся слухъ, будто Матвѣя выдалъ князю посадникъ Твердиславъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые концы стали „копить“ людей на Твердислава. Неревскій конецъ за ночь приготовился къ битвѣ. За Твердислава стали Людинъ конецъ и Пруссы. Нѣкоторые концы заняли выжидательное положеніе. Между обѣими партіями сначала завязалась сѣча у городскихъ воротъ, потомъ противники выѣзжали въ лодкахъ, такъ какъ мостъ былъ разрушенъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, много ранено. Цѣлую недѣлю продолжались вѣча въ городѣ. Наконецъ дѣло пришло къ концу: всѣ граждане сошлись „однодушно“ и цѣловали крестъ, такъ какъ выяснилась правота Твердислава. Но тутъ князь Святославъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и удалить нелюбимаго имъ посадника. Онъ послалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать: „Не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю отъ него посадничество“. Твердислава новгородцы не долюбливали и готовы были вѣрить всякому извѣту на него, но заявленіе князя имъ тоже не понравилось: тутъ за-

дѣвалась честь Господина Великаго Новгорода. Какъ раньше, поднялась цѣлая буря изъ-за одного только предположенія, что посадникъ могъ выдать подъ арестъ князю новгородца, такъ теперь вѣче стало за своего посадника. На вѣчѣ спросили княжескаго посланца: „А есть ли вина на посадникѣ?“ И получили отвѣтъ: „Безъ вины“. Тогда Твердиславъ сказалъ: „Я радъ, что на мнѣ нѣтъ вины. А вы, братіе, въ посадничествѣ и князьяхъ вольны“, т.-е. вы свободно избираете какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Тогда новгородцы отвѣтили князю: „Княже, ты намъ крестъ цѣловалъ, чтобы не лишать мужа должности. А мы тебѣ кланяемся. Это нашъ посадникъ и на смѣну мы не согласны“, т.-е. можешь себѣ уходить, если не хочешь быть съ этимъ посадникомъ. Князь долженъ былъ примириться съ посадникомъ.

Конечно, разъ народное собраніе превращается въ бранное поле, то такой моментъ нельзя считать нормальнымъ. Въ дѣйствительности въ древней Руси такіе случаи бывали весьма рѣдки и не безъ серьезныхъ поводовъ. Это показываетъ и только что разсказанный случай, потому новгородцы очень внимательны были къ своимъ правамъ.

Всѣ разсказанные случаи вводятъ насъ въ вѣчевую жизнь того времени. Лѣтописцы иногда такъ ярко описываютъ народную жизнь, что она какъ бы происходитъ передъ нашими глазами. Вотъ еще такого же рода эпизодъ, богатый бытовыми подробностями.

Мы уже знаемъ, что въ 1146 г. вмѣсто Игоря, попавшагося въ плѣнъ, на кіевскомъ столѣ сѣлъ Изяславъ Мстиславичъ. Этотъ князь, какъ извѣстно, велъ многолѣтнюю борьбу со своимъ дядей Юріемъ Долгорукимъ. Въ 1147 г. Изяславъ заключилъ союзъ съ черниговскими князьями противъ своего дяди. Изяславъ созвалъ кіевское вѣче и объявилъ ему о предполагаемомъ походѣ. Кіевляне не совѣтовали ему воевать съ дядей и дружить

съ Ольговичами, потому что имъ нельзя давать вѣры. Поэтому кіевляне отказались дать своему князю военную помощь: „Княже, ты на насъ не гнѣвайся, не можемъ мы поднять руки на Мономахово племя. А вотъ на Ольговичей такъ мы готовы итти—хоть и съ дѣтьми". Тогда Изяславъ сказалъ: „А тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ". И собралъ многихъ охотниковъ. Итакъ, князь заключаетъ союзъ, объявляетъ войну и ведетъ ее съ своею дружиною и съ охотниками: земство не пожелало вести войны, объявленной княземъ, и князь считаетъ такое отношеніе земства вполнѣ естественнымъ, нормальнымъ.

Но вотъ обстоятельства измѣнились. Изяславъ отправился на войну, но оказалось, что его союзники устроили засаду, чтобы схватить Изяслава. Изяславъ немедленно посылаетъ гонцовъ къ своему брату Владимиру, оставленному имъ въ Кіевѣ. Присланные мужи, Добрынька и Радила, именемъ брата сказали Владимиру: „Брате, поѣзжай къ митрополиту и созови всѣхъ кіевлянъ: пусть эти мужи разскажутъ лесть черниговскихъ князей". Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Множество народа собралось передъ св. Софіей и тутъ усѣлись на площади. Вѣчемъ руководилъ самъ митрополитъ. Добрынька и Радила выступили передъ народомъ и сказали: „Цѣловалъ тебя братъ (т.-е. князя Владимира), а митрополиту кланялся и Лазаря (тысяцкаго) цѣловалъ и всѣхъ кіевлянъ". Произнеся это привѣтствіе, послы замолчали, ожидая вопросовъ. Тогда изъ толпы ихъ спросили: „Молвите: съ чѣмъ васъ князь прислалъ?" Послы отвѣтили: „Такъ молвитъ князь: „Цѣловали ко мнѣ крестъ Давыдовичи... а нынѣ убить лестью хотѣли меня... А нынѣ, братіе, пойдите за мной къ Чернигову, кто на конѣ, кто на ладьѣ, потому что не меня одного хотѣли убить, но и васъ искоренить". Вѣче согласилось: „Идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты хочешь". Тутъ изъ толпы поднялся

одинъ ораторъ, который напомнилъ кіевлянамъ, что въ самомъ Кіевѣ врагъ сидитъ—прежній князь Игорь (онъ былъ заточенъ въ монастырь); какъ бы у него не нашлось сторонниковъ, когда всѣ граждане уйдутъ на войну: когда-то такъ было съ княземъ Всеславомъ полоцкимъ. Толпа зашумѣла, заволновалась. Всѣ бросились къ монастырю св. Ѳеодора и тамъ убили ни въ чемъ неповиннаго князя Игоря.

Разсказанные факты даютъ намъ много любопытныхъ подробностей вѣчевой жизни древней Руси. Древняя лѣтопись обыкновенно не очень обилуетъ детальными разсказами о томъ, что творилось на вѣчѣ. Она больше довольствуется коротенькими замѣчаніями: „сотвориша вѣче“, говоритъ она обыкновенно, „совѣтъ сотвориша“, „совѣтъ совѣщати“, или просто: „послаша“, „сдумавша“, „рекоша“.

Разберемся въ подробностяхъ вѣчевого уклада. Прежде всего надо выяснить внѣшній порядокъ собранія.

Не было одинаковаго *способа созванія* народа на вѣче. Въ Кіевѣ князь обыкновенно созывалъ народъ на вѣче—„вабилъ“, т.-е. разсылалъ биричей по городу съ приглашеніемъ собраться. Въ рѣдкихъ случаяхъ вѣче собиралось звукомъ трубъ, но чаще всего колокольнымъ звономъ: „звонити вѣчь“—обыкновенный терминъ созванія вѣча въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь были и особые вѣчевые колокола. Въ вѣчевой колоколъ ударяли особымъ образомъ,—били въ одинъ край, какъ теперь бьютъ въ набатъ. Иногда разсылали по улицамъ особыхъ биричей и подвойскихъ кликать народъ „на вѣчь“.

Не было опредѣленнаго *времени* для созванія вѣча: вѣче собиралось тогда, когда настояла нужда въ совѣщаніи съ народомъ, или когда самъ народъ желалъ высказать свою волю. Въ Новгородѣ, когда разгоралась борьба партій, то народъ даже по ночамъ „копился“,

т.-е. сходился къ мѣсту, назначенному для сбора партій.

Что касается *мѣста вѣчевыхъ собраній,* то въ городахъ иногда бывало по нѣскольку такихъ мѣстъ, гдѣ собиралось вѣче; по крайней мѣрѣ, это извѣстно относительно большихъ городовъ. Такъ, въ Кіевѣ мѣстомъ собраній былъ Ярославовъ дворъ, площадь передъ Софійскимъ соборомъ; у св. Софіи мѣсто было приспособлено для собраній, такъ какъ здѣсь были скамьи для сидѣнья; затѣмъ кіевское вѣче собиралось подъ Угорскимъ, у Туровой Божницы, на Торговищѣ; послѣднее — очевидно, торговая площадь на Подолѣ. Здѣсь народная толпа, какъ и у Туровой Божницы, скоплялась подъ руководствомъ своихъ вожаковъ и не разъ придумывала непріятные сюрпризы для князей и ихъ тіуновъ. Оттого князь Изяславъ Ярославичъ перенесъ было торговую площадь съ Подолія на гору, близъ княжьяго терема. Въ Великомъ Новгородѣ было два обычныхъ мѣста народнаго собранія: у св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ. Вообще главный храмъ города служилъ обыкновенно мѣстомъ, у котораго чаще всего собирались вѣча. Такъ какъ результатомъ вѣчевыхъ собраній иногда бывало крестное цѣлованіе, или „рядъ“ съ княземъ, то для этихъ цѣлей вѣче въ полномъ составѣ входило въ храмъ и здѣсь „весь порядъ положьше“, т.-е. князь цѣловалъ крестъ на старинѣ или на какихъ-либо другихъ рядахъ, и граждане ему цѣловали крестъ. Очевидно, что вѣче продолжалось въ самомъ храмѣ, который, такимъ образомъ, превращался въ мѣсто для собранія. Такъ, по крайней мѣрѣ, бывало во Владимирѣ на Клязьмѣ, въ его знаменитомъ соборѣ Пресвятой Богородицы. Въ городахъ съ болѣе развитымъ вѣчевымъ строемъ мѣсто собраній имѣли различныя приспособленія. Такъ въ кельѣ у св. Софіи были поставлены скамьи для сидѣнія. Въ Новгородѣ на Софійской площади находился помостъ, — „степень“ —

на которомъ сидѣли власти и съ котораго говорили ораторы; рядомъ со степенью находилась канцелярія вѣча, или вѣчевая изба, помѣщавшаяся въ особой башнѣ. Въ Псковѣ канцелярія помѣщалась въ соборѣ св. Троицы; тутъ же находился *ларь,* государственный архивъ, которымъ завѣдывалъ особый ларникъ.

Порядокъ собраній не былъ строго опредѣленъ. Предсѣдательствовалъ обыкновенно князь, а въ Новгородѣ— или князь или посадникъ. Но это потому, что у князя (какъ и у новгородскаго посадника) было наибольше поводовъ созывать вѣче для того, чтобы спросить мнѣніе народа или сказать ему свое. Если князя не было въ городѣ, на вѣчѣ предсѣдательствовалъ митрополитъ (въ Кіевѣ), или какое-нибудь другое видное лицо. Если же вѣче собиралось по почину частныхъ лицъ, то предсѣдательство на немъ держали тѣ, кто созвалъ. Народное вѣче всякій могъ созвать и помимо официальныхъ лицъ; но не надо думать, что городское вѣче постоянно собиралось, если кому вздумается созвать изъ-за всякаго пустяка: шутить тутъ было весьма опасно.

Для вѣчевого собранія не требовалось также опредѣленнаго *числа собравшихся,* такъ какъ никогда не было устанавливаемо, при какомъ числѣ собравшихся вѣче считается законнымъ. Законнымъ оно было при всякомъ числѣ, лишь бы это число было достаточнымъ, чтобы постановленное имъ рѣшеніе могло быть принято всей землей или поддержано, если нужно, достаточной силой.

Вѣче было всенародной сходкой въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Всякій свободный житель даннаго города и даже всей земли имѣлъ *право принимать участіе въ вѣчѣ.* Лѣтопись иногда перечисляетъ классы общества, явившагося на вѣче, называя бояръ, дружину, купцовъ, лучшихъ людей, а также: меньшихъ, черныхъ,

смердовъ, худыхъ мужиковъ. Такимъ образомъ, всѣ названія, прилагавшіяся въ древности для обозначенія различныхъ свободныхъ классовъ общества, встрѣчаются и на вѣчѣ. Но гораздо чаще лѣтопись обозначаетъ народъ, принимающій участіе на вѣчѣ, словами: новгородцы, кіяне и пр., или люди ростовскіе, вся земля Галицкая, всѣ переяславцы и т. п. Итакъ, независимо отъ богатства или бѣдности всѣ могли принимать участіе на вѣчѣ. Требовалось только, чтобъ участвующій былъ свободнымъ человѣкомъ и не состоялъ бы подъ отеческою властью или въ какой-нибудь частной зависимости, напр., въ закупничествѣ. Такимъ образомъ, отцы рѣшали за дѣтей. Мы уже видѣли, что кіевляне выражаютъ желаніе пойти сражаться за Изяслава противъ Ольговичей и „съ дѣтьми“. Конечно, они не малолѣтнихъ дѣтей собираются брать съ собой на войну. Тѣ же кіевляне приносятъ князю Игорю присягу и „за дѣтей“; опять-таки легко догадаться, что не за малолѣтнихъ. Впрочемъ, въ Новгородѣ такія „дѣти“, за которыхъ рѣшали на вѣчахъ отцы, появлялись сами на площади, но только тогда, когда надо было поддержать отцовъ кулаками или оружіемъ — „въ броняхъ, аки на рать“. Итакъ, взрослые сыновья, находящіеся подъ опекой отцовъ, не принимали участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ. Этимъ только условіемъ и ограничивалась для свободнаго человѣка его политическая правоспособность.

Въ теоріи вѣче всегда представляло собой *собраніе всей земли* и постановляло рѣшенія ея именемъ. Но въ дѣйствительности это было собраніе горожанъ главнаго города. Остальные жители земли, т.-е. пригорожане, могли присутствовать на вѣчѣ, и тогда они пользовались полными правами. Но, разумѣется, не всегда жители пригородовъ могли попадать на вѣче, не всегда имъ давали знать о собраніи вѣча, еще чаще для этого и времени не бывало.

Когда собиралась толпа по какому-нибудь всѣхъ охватившему вопросу. кричала и шумѣла, — въ такомъ собраніи, конечно, порядка не было. Мы видѣли, что цѣлую недѣлю новгородцы стояли вооруженные, пока, наконецъ, успѣли убѣдиться, что посадникъ Твердиславъ не причастенъ къ лишенію свободы одного изъ новгородцевъ: такъ трудно было въ шумной толпѣ привести всѣ необходимыя доказательства. Иное дѣло, если народъ созывался на вѣче по почину князя или посадника или другого офиціальнаго лица. Тогда соблюдался и извѣстный порядокъ въ собраніи. Такъ, въ Кіевѣ, когда народъ собирался толпой у Туровой Божницы, онъ съѣзжался верхами на лошадяхъ, можетъ-быть, и съ нѣкоторымъ оружіемъ въ рукахъ, чтобы поддержать свое рѣшеніе. Напротивъ, на Софійскую площадь народъ сходился по приглашенію князя. Здѣсь онъ разсаживался, и начиналось вѣчевое собраніе. Князь или его посланецъ прежде всего обращался къ народу въ почтительно-вѣжливыхъ выраженіяхъ: князь шлетъ поклонъ митрополиту (какъ старшему), цѣлуетъ тысяцкаго и всѣхъ горожанъ (какъ равныхъ); обращаясь къ гражданамъ, князь употребляетъ слово „братіе“. Княжескую рѣчь прерываютъ вопросами голоса изъ собранія: это „лучшіе“ мужи, занимающіе, конечно, первыя скамьи. Изяславовы посланцы, какъ мы видѣли, стараются только отвѣчать на вопросы: такъ требовалъ тогдашній этикетъ, чтобы „меньшіе“ отвѣчали на вопросы „бо́льшихъ“. Свое мнѣніе народъ выражаетъ шумными криками. Вопросъ подвергается всестороннему обсужденію. Подымается кто-либо изъ толпы и говоритъ князю рѣчь, выражающую мнѣніе вѣча. Зная древнерусскую жизнь, легко догадаться, что въ числѣ такихъ вѣчевыхъ ораторовъ выступали старики, убѣленные годами и умудренные опытомъ, пользующіеся вліяніемъ въ городѣ. Только въ эпоху паденія Великаго Новгорода на вѣчахъ горланили худые му-

жики, вѣчники. Въ древнѣйшей же Руси руководство вѣчемъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежало только лучшимъ людямъ. Это вліяніе иногда обращалось даже въ крайность. Галицкая земля являетъ собой примѣръ, когда лучшіе люди, боярство, одно время образовали даже олигархію.

Порядокъ вѣчевыхъ собраній уже самъ собой показываетъ, что для опредѣленія вѣчевого рѣшенія не могъ быть примѣняемъ *счетъ голосовъ*. Опытный слухъ предсѣдателя вѣча или вожаковъ партіи по силѣ выражаемаго вѣчемъ одобренія или неодобренія даннаго вопроса угадывалъ, согласенъ народъ или несогласенъ. Вся суть въ томъ, что рѣшеніе должно было быть принято такимъ количествомъ участниковъ вѣча, которое могло бы настоять на его исполненіи. Понятія большинства древнерусское вѣче не имѣло. По тогдашнему взгляду, каково бы ни было большинство, принявшее данное рѣшеніе, считалось, что всѣ „стали за одинъ“, т.-е. наступило полное единеніе, „однодушно“: „и новгородци отвѣщаша единѣми усты: цѣловали есмы крестъ содного, а грамоты пописали и попечатали и душу запечатали“. Такъ гласитъ формула новгородскихъ вѣчевыхъ постановленій. Таково было пониманіе силы вѣчевыхъ рѣшеній.

Рѣшенія вѣча обыкновенно выражались въ краткой формѣ; примѣры такихъ постановленій мы уже видѣли. Въ древнѣйшее время вѣчевыя рѣшенія никогда не записывались. Только въ XIII вѣкѣ на вѣчевыхъ собраніяхъ Новгорода и Пскова составлялись грамоты, представлявшія результатъ вѣчевыхъ рѣшеній. Но эти грамоты касаются или „ряда“ съ князьями или международныхъ отношеній. Здѣсь былъ особый „вѣчный“, т.-е. вѣчевой дьякъ, записывавшій рѣшенія. Вообще же вѣче устно постановляло рѣшеніе. Если рѣшеніе это надо было исполнить, то это было дѣломъ обычныхъ органовъ исполнительной власти, т.-е. князя, посадника, ты-

сяцкаго. Иногда отъ имени вѣча выбирались исполнители вѣчевого рѣшенія, напр., когда дѣло касалось выбора князя или переговоровъ со своимъ княземъ. Такими выборными были „лучшіе“ люди, которые тотчасъ же и приступали къ исполненію вѣчевого постановленія. Но это были исключительныя постановленія.

Теперь надо выяснить, какихъ же *вопросовъ касались вѣчевыя рѣшенія*. Вѣче обладало верховными правами въ государствѣ; но вопросы, которые оно обыкновенно разсматривало, были не многочисленны.

Прежде всего компетенціи вѣча подлежали вопросы, касающіеся *занятія стола княземъ*. Какъ извѣстно, въ древней Руси княжескіе столы рѣдко занимались вопреки народной волѣ: обыкновенный порядокъ требовалъ, чтобы народное вѣче въ той или другой формѣ признало князя. Поэтому князь садился на столъ, получая признаніе со стороны вѣча, выражаемое крестнымъ цѣлованіемъ. Простого признанія достаточно было тогда, когда населеніе не сомнѣвалось въ добрыхъ качествахъ новаго князя. Иногда же населеніе требовало, чтобы князь учинилъ съ нимъ „рядъ“, „порядъ“, „утвердился бы“ съ народомъ. Рядъ заключался въ нѣкоторыхъ обязательствахъ со стороны князя. Обязательства эти были не сложны, заключаясь иногда въ подтвержденіи „ходить по старинѣ“, „любити и никого не обидити“: тогда и жизнь была проста. Только въ Новгородѣ порядокъ съ княземъ принялъ болѣе сложную форму и даже сталъ предметомъ особыхъ конституціонныхъ грамотъ.

Мы уже видѣли факты, когда вѣче распоряжалось приглашеніемъ или изгнаніемъ князя. Въ этихъ фактахъ мы отмѣтили самое главное, именно господствующее убѣжденіе въ средѣ населенія и князей въ томъ, что именно вѣче имѣетъ право располагать столомъ. „Вы вольны въ князьяхъ“, говорилъ въ 1215 г. князь Мстиславъ новгородскому вѣчу. И эта „вольность“ признава-

лась не за одними новгородцами. Въ 1212 г. умеръ князь суздальскій Всеволодъ Юрьевичъ, назначивъ сыну своему Ярославу Переяславское княженіе (сѣверное). Всеволодъ былъ сильный князь и любимый народомъ, однако, его сынъ Ярославъ, явившись послѣ смерти отца въ Переяславль, созвалъ народное вѣче и велъ къ нему такую рѣчь: „Братія переяславцы! Вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ мнѣ отдалъ, а меня вамъ далъ въ руки. Да скажите мнѣ, братія, хотите ли меня имѣть у себя княземъ, какъ отца моего имѣли, и головы свои за меня сложить?“ И вѣче ему отвѣчало: „Весьма (желаемъ), господине, да будетъ такъ, ты нашъ господинъ, ты — Всеволодъ“. И такъ сынъ любимаго и сильнаго князя и не думаетъ, что для населенія небольшого пригорода воля покойнаго князя имѣетъ значеніе: надо еще имѣть согласіе самого населенія. Не даромъ поэтому владимирцы, сосѣди тѣхъ же переяславцевъ, говорили своему князю Ярославу, будучи имъ недовольны: „Мы вольны принимать къ себѣ князей“.

Все это указываетъ на *политическія убѣжденія*, господствовавшія въ древнерусскомъ обществѣ.

Признаніе князя въ той или другой формѣ — только одна сторона вѣчевыхъ правъ. И, выбравъ князя, вѣче продолжало имѣть руководящее вліяніе въ направленіи политики всей земли.

Прежде всего рѣшенію вѣча подлежали вопросы, касающіеся *войны* и *мира*. Выше уже былъ приведенъ разсказъ лѣтописи о рѣшеніи кіевлянъ во время войны Изяслава съ Юріемъ: князь объявилъ войну и пошелъ воевать со своею дружиною да съ охотниками, потому что земство считало для себя такую войну неподходящей. Иногда, напротивъ, вѣчевыя собранія высказывались за войну, когда князь не одобрялъ ее; а между тѣмъ князь былъ предводителемъ всѣхъ военныхъ силъ. „Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“, говорили въ

1177 г. ростовцы своему князю Мстиславу Ростиславичу. Иногда вѣче и само заключало мирный договоръ. Такъ поступили въ 1186 г. полочане, когда на нихъ пришли новгородцы и смольняне. Вообще про полочанъ, какъ и про новгородцевъ, лѣтопись, говоря объ ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ землямъ, обыкновенно выражается: „послаша“, „сдумаша“. Хотя отношеніе между князьями, ихъ личные счеты и не касались земства, но, тѣмъ не менѣе, оно поневолѣ часто принимало участіе въ этихъ распряхъ: князь начиналъ войну со своею дружиной и съ охотниками, но въ результатѣ такой войны могла быть осада города и всѣ сопряженныя съ нею бѣдствія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ можно даже наблюдать, что представители вѣча ведутъ переговоры вмѣстѣ съ княземъ. Такія отношенія вырабатывались, очевидно, на основаніи простого практическаго соображенія: между княземъ и вѣчемъ не могло уже быть разногласія по вопросамъ внѣшней политики. Такъ, когда въ 1159 г. сыновья умершаго князя Изяслава Мстиславича заняли Кіевъ и предложили княженіе въ немъ своему дядѣ Ростиславу Мстиславичу, то князь послалъ къ своимъ племянникамъ для детальныхъ переговоровъ двухъ мужей, — одного отъ смолянъ, а другого отъ новгородцевъ (въ это время сынъ Ростислава Святославъ княжилъ въ Новгородѣ).

Что касается внутреннихъ *вопросовъ управленія*, то вѣче, хотя и имѣло на нихъ сильное вліяніе, однако вмѣшивалось рѣдко, предоставляя главную роль избранному имъ князю. Наиболѣе широкой компетенціей въ этомъ отношеніи пользовалось новгородское вѣче. Оно *избирало* посадниковъ, епископовъ, выбирало посадниковъ для нѣкоторыхъ пригородовъ, а въ позднѣйшее время и *все законодательство* Пскова и Новгорода проходило черезъ вѣче (какъ это видно изъ Псковской Судной грамоты); здѣсь же вѣчу (и, вѣроятно, только въ позднѣйшее время)

принадлежала *финансовая власть,* т.-е. при опредѣленіи налоговъ и повинностей. Вообще вліяніе вѣча на все управленіе здѣсь было очень велико, но оно проявлялось въ формѣ обсужденія дѣятельности должностныхъ лицъ: князя, посадника и даже епископа. *Судъ* по политическимъ и должностнымъ преступленіямъ, а также иногда и по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ творится на вѣчѣ. Впрочемъ, и въ другихъ княженіяхъ вѣче такимъ же образомъ высказывалось о направленіи внутренней политики. Слѣдуетъ вспомнить, какъ кіевляне потребовали у князя Игоря смѣны прежнихъ судей, для чего понадобилось обсужденіе ихъ дѣятельности: братъ же Игоря Святославъ обѣщалъ кіевлянамъ тіуна по ихъ волѣ. Очевидно, такого тіуна надо было выбрать или назначить на вѣчѣ же.

Итакъ, права вѣча распространялись на признаніе или избраніе новаго князя, на рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, а во внутренней политикѣ вѣче обсуждало главнымъ образомъ вопросы управленія и отправленія суда, именно обсуждало, но не законодательствовало (за исключеніемъ Новгорода и Пскова и то въ позднѣйшее время). При несложной политической организаціи древнерусскихъ земель судъ, война и миръ и были главными, почти исключительными предметами управленія. Но самый судъ понимался не въ смыслѣ изданія для него законодательныхъ правилъ, но въ смыслѣ общаго направленія его, зависящаго отъ личности князя и назначенныхъ имъ тіуновъ.

Такимъ образомъ, вѣче было направляющимъ органомъ въ государствѣ. Само оно не имѣло исполнительныхъ органовъ въ своемъ распоряженіи. Главная задача вѣча состояла въ *контролѣ* надъ дѣятельностью князя и его управленія, а въ Новгородѣ—и надъ дѣятельностью посадника. Новгородская исторія представляетъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ примѣровъ такого контролирую-

щаго значенія вѣчевой власти. Выше было разсказано, какъ возмутился весь Новгородъ, узнавъ объ арестованіи одного изъ своихъ согражданъ. Новгородская исторія знаетъ случаи, когда посадникъ былъ судимъ за то, что далъ князю плохой совѣтъ, или за то, что плохо управлялъ. Подобнаго рода вины ставились и князьямъ. Князю Всеволоду въ 1136 г. было представлено нѣсколько обвиненій, побуждавшихъ вѣче удалить своего князя. Въ числѣ этихъ обвиненій было и то, что князь не блюдетъ смердовъ, т.-е. не защищаетъ ихъ отъ сильныхъ людей, что князь оставилъ сраженіе прежде другихъ, что князь хотѣлъ было уйти на Переяславское княженіе, наконецъ, что князь сначала далъ совѣтъ Новгороду войти въ союзъ съ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а потомъ потребовалъ разрыва этого союза. Тутъ князя обвиняли какъ разъ въ томъ, что цѣликомъ составляло предметъ его исполнительной власти. Князь былъ прежде всего судья и полководецъ, но Всеволодъ оказался и въ томъ и другомъ случаѣ плохимъ; въ то время еще и въ Новгородѣ внѣшняя политика составляла главнымъ образомъ предметъ заботъ князя. Но Всеволодъ и тутъ показалъ свою неустойчивость.

Итакъ, вѣче имѣло только направляющій характеръ по отношенію къ внутреннему и внѣшнему управленію.

II.

Происхожденіе и паденіе вѣчевого строя.

Знакомство съ вѣчевымъ строемъ, съ его бытовымъ колоритомъ, даетъ возможность ближе заглянуть въ его сущность. Для этого надо разсмотрѣть вопросы о томъ, каково было соотношеніе вѣча къ княжеской власти и затѣмъ надо уяснить себѣ происхожденіе и прекращеніе вѣчевого начала въ древней Руси.

Для насъ, наблюдающихъ вѣчевой строй въ отдаленіи многихъ вѣковъ, вѣчевыя сходки могутъ показаться явленіемъ безформеннымъ, безпорядочнымъ: народная толпа ведетъ себя буйно и измѣнчиво. Съ внѣшней стороны такъ въ дѣйствительности и было. Но слѣдуетъ вникнуть въ тогдашнія отношенія, отвлечься отъ современныхъ намъ представленій и перенестись въ понятія того отдаленнаго прошлаго. Не надо слишкомъ большого значенія придавать внѣшности вѣчевыхъ дѣйствій: древность не успѣла выработать строго опредѣленныхъ внѣшнихъ проявленій государственной власти; да о нихъ она и не заботилась. Надо прежде всего себѣ представить жизнь тогдашняго города: самый мелкій пригородъ совсѣмъ не похожъ на теперешніе сонные уѣздные и губернскіе города; жизнь била ключомъ, и населеніе живо интересовалось самыми разнообразными вопросами. Стóитъ вспомнить, какъ житіе св. Авраамія Смоленскаго, написанное его современникомъ и ученикомъ, описываетъ оживленіе города, когда св. Авраамія его противники обвинили въ ереси: оживился весь городъ — и на торгу и по улицамъ, вездѣ полно народа, мужи говорятъ, и

жены и дѣти. Не менѣе оживлялся городъ, когда подымался вопросъ политическаго характера. Иногда возбужденіе бывало такъ велико, что въ городѣ начинался мятежъ и грабежъ имущества лицъ, которыми народъ былъ недоволенъ, вѣче превращалось въ военный лагерь. Но о вѣчѣ несправедливо было бы судить по этимъ мятежнымъ вспышкамъ подвижного городского населенія. Разумѣется, такія вѣча будутъ ненормальными.

О вѣчѣ надо судить по тѣмъ его проявленіямъ, которыя выясняются при нормальномъ ходѣ вещей. Въ такомъ случаѣ сущность вѣчевого начала имѣетъ общую точку соприкосновенія съ правомъ современныхъ намъ государствъ. Каждое независимое государство является носителемъ верховной власти. Эта верховная власть въ древней Руси находилась въ обладаніи двухъ элементовъ—вѣча и князя. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, перевѣсъ власти находился то у вѣча, то у князя. Это зависѣло отъ тѣхъ условій, изъ которыхъ слагалась жизнь каждой отдѣльной земли. Такъ, напр., въ Новгородѣ, въ Полоцкой землѣ, въ Кіевской, частью въ Ростово-Суздальской вѣче достигло широкаго развитія. Въ другихъ земляхъ участіе народа въ управленіи было менѣе значительно, но оно вездѣ существовало и вездѣ сознавало свои права. Конечно, не надо удивляться тому, что на практикѣ возможность большаго и меньшаго проявленія вѣчевой воли зависѣло еще и отъ характера и силы другого элемента власти—князя. Если князь пользовался значительнымъ личнымъ вліяніемъ, вѣче бездѣйствовало. Иногда у князя былъ перевѣсъ силы. Иногда князь силою занималъ столъ, или держался съ помощью военнаго контингента, и тогда прерывались нормальныя отношенія между вѣчемъ и княземъ.

Итакъ, вѣче не было случайнымъ, мятежнымъ явленіемъ въ древней Руси: съ точки зрѣнія государствен-

ной, оно было носителемъ верховной власти въ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ русское вѣчевое собраніе имѣло такое же значеніе, какъ народное собраніе въ Римѣ или въ Аѳинахъ. Но вѣче рѣзко отличается отъ нихъ своею неорганизованностью. Это вполнѣ понятно: мы имѣемъ дѣло съ народнымъ учрежденіемъ въ его древнѣйшей формѣ. И греческая исторія знаетъ періодъ такихъ безформенныхъ народныхъ сходокъ съ такимъ же неопредѣленнымъ соотношеніемъ власти царской къ вѣчу. Для этого надо только вспомнить, какъ описываютъ гомеровскія поэмы народную сходку. И въ обычаяхъ древнихъ германцевъ можно найти буквальную аналогію съ древнерусскимъ бытомъ. Слѣдовательно, вѣчевая жизнь древней Руси не представляетъ собою исключительнаго явленія: оно вообще свойственно народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Поэтому вѣчевая жизнь не представляетъ собою, такъ сказать, болѣзненнаго явленія: Правда, у нѣкоторыхъ народовъ безформенная вѣчевая жизнь выработалась съ теченіемъ времени въ стройное государственное учрежденіе (напр., въ древней Греціи — въ народное собраніе, въ средневѣковой Англіи — въ представительное учрежденіе, въ Германіи — въ избирательные сеймы). На Руси этого не случилось. Трудно сказать — почему: не умѣло ли древнее общество отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ вѣчевой жизни (какъ это отчасти можно видѣть на исторіи Новгорода въ періодъ его паденія), или же причиной тому являются особыя условія дальнѣйшей жизни, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Мы задались еще вопросомъ о происхожденіи и прекращеніи вѣчевого начала.

Древнерусское вѣче не зародилось на глазахъ исторіи: начало его лежитъ въ обычаяхъ древнѣйшихъ сла-

вянъ. Уже писатель VI вѣка Прокопій сообщаетъ, что славяне не повинуются одному лицу, но изстари живутъ при народномъ управленіи. Описанный этимъ писателемъ обычай относительно русскихъ славянъ доказывается первыми страницами нашей начальной лѣтописи. Она приводитъ неоспоримыя доказательства тому, что въ эпоху образованія государства, т.-е. когда еще продолжали господствовать формы племенного быта, вѣче было необходимымъ органомъ, на которомъ обсуждались всѣ дѣла, касающіяся племени или одного какого-нибудь города. Изъ разсказовъ лѣтописи о возстаніи древлянъ противъ Игоря хорошо видно, какъ древлянское племя всѣ дѣла свои рѣшаетъ на вѣчѣ: дѣйствуетъ *вся* Деревская земля. Древнѣйшіе русскіе договоры, — именно договоры съ греками, заключаютъ въ себѣ уже указанія на то, что они заключаются „отъ всѣхъ людей русской земли“. Интересно, что даже русскіе люди XII вѣка были глубоко увѣрены въ изначальномъ существованіи вѣча.

Итакъ, вѣче представляетъ собой *исконное учрежденіе* среди русскихъ племенъ. Уже въ древнѣйшее время можно различить, что оно собиралось, когда нужно было рѣшить вопросъ, касающійся всего племени, какъ рѣшала, напр., Деревская земля, или какъ „думали поляне“ о дани хозарамъ и т. п.; когда же вопросъ касался какого-нибудь одного города, то онъ собирался на вѣче, какъ это, напр., было въ Бѣлгородѣ во время нападенія на него печенѣговъ. Хотя мы очень мало знаемъ объ этомъ древнѣйшемъ вѣчѣ, но не трудно подмѣтить, что на немъ главное значеніе имѣли старцы и бояре. Но во всякомъ случаѣ это племенное вѣче представляло собой очень первобытную форму народоправства.

Племенное вѣче является первымъ періодомъ въ развитіи этого учрежденія. Оно не оставалось неизмѣннымъ

на протяженіи нашей древней исторіи. При господствѣ первыхъ князей вѣче не могло имѣть большого значенія. За исключеніемъ Новгорода и Кіева, т.-е. племени полянъ и новгородскихъ славянъ, въ средѣ остальныхъ племенъ русскіе князья держались военною силою. Когда князь господствовалъ съ помощью наемнаго войска, притомъ большею частью иноземнаго, то голосъ вѣча не могъ сказываться. Однако вѣчевая жизнь не была совершенно подавлена военною силою. Вѣче продолжало вѣдать дѣла, касающіяся племени или отдѣльныхъ городовъ, такъ какъ князья совершенно не вмѣшивались въ управленіе, довольствуясь одною данью. Значеніе вѣча всякій разъ подымалось, какъ только начинались междоусобицы въ княжеской семьѣ, какъ это было, напр., по смерти Владимира св.: Святополкъ задабриваетъ кіевское вѣче, а новгородцы ведутъ Ярослава на кіевлянъ. Съ развитіемъ княженій вѣче теряетъ свой племенной характеръ, потому что княжества не всегда совпадали съ древними границами племени. Въ эту эпоху, т.-е. съ конца XI вѣка, начинается быстрое развитіе вѣчевыхъ отношеній. Въ главнѣйшихъ древнихъ племенныхъ центрахъ появляются князья. Здѣсь они застаютъ уже вѣчевое собраніе. Уже внуки Ярослава слишкомъ слабы для того, чтобы не подчиняться рѣшеніямъ вѣча. Значеніе княжеской власти поэтому сильно понижается. Кромѣ того, князья этого періода не настолько богаты, чтобы содержать дружину изъ иноземцевъ, ихъ дружинники — мѣстные земскіе люди, или люди, слившіеся съ земствомъ. Къ этимъ причинамъ ослабленія княжеской власти и роста вѣча присоединялось еще слѣдующее: княжеская политика представляла собой систему грубаго эгоизма. Безконечныя междоусобицы, передѣлы волостей, переходы князей съ одного стола на другой въ связи съ вѣчными поисками лучшихъ доходовъ, — такая политика не могла, конечно, внушить къ себѣ большого

довѣрія со стороны населенія. Вѣче поэтому принуждено само заботиться о собственной безопасности. Оттого мы и видимъ такое странное раздвоеніе: князь объявляетъ войну, вѣче не хочетъ ее вести, или наоборотъ; или же городъ осажденъ непріятелями — вѣче предлагаетъ князю уйти и впускаетъ непріятеля: зачѣмъ ему погибать изъза князя. Всѣ эти факты (а они весьма многочисленны) являются протестомъ противъ эгоизма князей. Все это возвышаетъ значеніе вѣча. Но, съ другой стороны, въ немъ открывается слабая сторона. Очень долго держался порядокъ, по которому рѣшеніе вѣча центральнаго города было обязательно и для его пригородовъ. Но центральные города, впутывая пригороды въ свою политику, поступаютъ также эгоистично, такъ какъ они не всегда могутъ или желаютъ предотвратить для пригородовъ непріятныя послѣдствія своей политики, напр., осаду, разореніе пригорода и т. п. Оттого каждый пригородъ стремится превратиться въ самостоятельное княженіе. А это выдѣленіе уже ослабляло силу всей земли.

Итакъ, съ послѣдней четверти XI вѣка замѣчается усиленіе вѣча въ связи съ ослабленіемъ княжеской власти, но уже съ половины XII вѣка замѣчаются признаки ослабленія силы вѣча центральнаго города, вслѣдствіе выдѣленія пригородовъ.

Высшее развитіе вѣчевого начала какъ разъ совпадаетъ съ весьма крупными измѣненіями въ положеніи Руси. Эти измѣненія повели къ прекращенію вѣчевого начала и прервали его ростъ. Такихъ причинъ, повед-шихъ къ паденію вѣча, было нѣсколько. Эти причины не одинаковы для восточной Московской Руси) и для западной (Литовской Руси). Нашествіе татаръ было одною изъ серьезнѣйшихъ причинъ, прекратившихъ существованіе вѣча въ сѣверо-восточной Руси. Главное право вѣча было въ избраніи князя и контролированіи его дѣятельности. Теперь ханъ давалъ ярлыкъ князю на

княженіе; вѣче не могло ни выбирать князей ни изгонять ихъ. Контроль надъ такимъ княземъ былъ и безполезенъ и невозможенъ. Но эта внѣшняя причина была не единственной. Вѣче—созданіе городовой Руси, созданіе подвижного торговаго населенія. Въ сѣверо-восточной Руси условія жизни были совершенно иныя: это—земледѣльческая Русь, противоположность торговой Днѣпровской и Волховской. Сельскому человѣку трудно было откликаться на всѣ явленія политической жизни, у него, безъ сомнѣнія, и интересъ былъ къ нимъ меньше. Этотъ переворотъ въ хозяйственномъ быту населенія въ связи съ татарскимъ погромомъ и слѣдуетъ считать причинами, остановившими здѣсь дальнѣйшее примѣненіе и развитіе вѣча. Княжество превратилось въ вотчину князя, которой князь могъ распоряжаться, какъ ему угодно.

Въ западной Руси татарскій погромъ не имѣлъ такихъ послѣдствій, какъ въ сѣверо-восточной: татары прошли не по всѣмъ землямъ (они были въ Смоленской, Черниговской, Кіевской и Галицко-Волынской земляхъ, не были въ Полоцкой и Турово-Пинской), власть ихъ была здѣсь непродолжительна и не сильна. Поэтому вѣче здѣсь вездѣ продолжало свое существованіе. Въ земляхъ осѣли свои мѣстныя династіи. Вѣче работаетъ болѣе спокойно и, за немногими исключеніями, мирно уживается съ наслѣдственной княжеской властью. Но уже съ половины XIII вѣка западно-русскія земли подвергаются захватамъ со стороны сосѣднихъ литовскихъ князей и къ половинѣ XV вѣка окончательно объединяются въ обширное Литовско-русское государство. Вѣче нѣкоторое время продолжало свое существованіе и при литовскихъ князьяхъ, хотя, конечно, лишенное своего политическаго значенія. Потеря политической самостоятельности превратила здѣсь вѣче изъ органа политическаго въ мѣстную самоуправляющуюся единицу. Но и эта форма вѣча съ начала XV вѣка постепенно измѣняется

вслѣдствіе переработки государственнаго и общественнаго строя Литовской Руси: государство начинаетъ объединяться, въ немъ развиваются сословія и нарождается новый политическій органъ — сеймъ.

III.

Князь.

Къ строю древнихъ государствъ нельзя прилагать той мѣрки, которою мы опредѣляемъ государственное устройство нынѣшняго времени. Современное намъ государство живетъ и дѣйствуетъ на основаніи строго опредѣленныхъ законовъ. Оно представляетъ собой очень сложный организмъ, въ которомъ каждый отдѣльный органъ управленія вѣдаетъ только какою-нибудь частностью управленія. Характеръ управленія опредѣляется законами, а не личными качествами управляющаго лица. Совсѣмъ иной типъ представляютъ собою многія государства древности въ томъ числѣ и древнерусскія княженія. Подробнаго законодательства, формулъ, опредѣляющихъ государственный строй, не существуетъ. Правда, для нѣкоторыхъ случаевъ существуетъ народный обычай, взглядъ, по которому только и можно составить себѣ представленіе о характерѣ управленія; но и обычай далеко не все охватываетъ.

Оттого въ древней Руси государственная машина была очень проста: при небольшомъ запасѣ основныхъ политическихъ воззрѣній, которыя твердо были усвоены обществомъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ весь строй опирался на личныя отношенія. Это особенно сказы-

вается на томъ положеніи, какое занимала княжеская власть. Потребность къ княжеской власти живо сознавалась древнерусскимъ обществомъ и, однако, не существовало одинаковыхъ воззрѣній на качества и широту этой власти: князь долженъ быть „добръ“, какъ тогда выражались. Князь добръ — вѣче живетъ въ ладахъ съ нимъ; князь не добръ — вѣче прогоняетъ его, если онъ слабъ, и мирится съ такимъ княземъ, если онъ силенъ, до тѣхъ поръ, пока „лестью“ не освободится отъ нелюбимаго правителя.

Итакъ, качества княжескаго управленія основывались исключительно на личности князя.

Древняя Русь была проникнута такимъ воззрѣніемъ. Подтвержденіе сказанному можно найти въ лучшемъ памятникѣ этой эпохи, наиболѣе точно отражающемъ ея житейскіе идеалы, — въ Поученіи Владимира Мономаха. Слѣдуетъ посмотрѣть, какія качества въ князѣ считаетъ Мономахъ наилучшими. Навѣрно, этими качествами долженъ былъ обладать хорошій князь, по мнѣнію тогдашняго общества: такъ поступалъ самъ Мономахъ, а онъ воплощалъ въ себѣ идеалъ князя и княжеской власти. Вотъ что рекомендуетъ Мономахъ своимъ дѣтямъ: защищать слабыхъ, вдовицъ и сиротъ, не казнить смертью ни правыхъ ни виноватыхъ, самимъ вездѣ во все вникать: въ домѣ не полагаться на тіуновъ, въ походѣ—на воеводъ, при объѣздахъ княженія для суда и дани удерживать отроковъ, чтобы они не дѣлали „пакостей“ жителямъ, вообще не лѣниться. Все это очень примитивныя качества, необходимыя для всякаго человѣка. Но лучшій князь эпохи еще не додумался до того, чтобы дать совѣтъ: управлять государствомъ при посредствѣ хорошихъ и честныхъ помощниковъ. Во всѣхъ этихъ совѣтахъ видна еще крайняя неразвитость политическихъ понятій. Но идеалы Мономаха вполнѣ соотвѣтствовали взглядамъ эпохи. По этимъ взглядамъ князь долженъ

быть „добръ“ и „хотѣть добра всѣмъ сердцемъ“. „Доброта“ эта заключается въ томъ, что Богъ ставитъ князей „волостелями“ „въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ“, какъ объяснялъ галицкій князь Владимиръ. Князь долженъ быть грозою всѣхъ насилующихъ слабыхъ, какъ говоритъ извѣстный Даніилъ Заточникъ въ своемъ Словѣ, потому что простого человѣка всякій можетъ обидѣть, если онъ не будетъ огражденъ страмомъ грозы княжеской. Отъ князя требуется, чтобы онъ держался старины, т.-е. не нарушалъ бы установленныхъ обычаевъ, чтобы онъ самъ не грабилъ и не давалъ грабить своимъ тіунамъ. Если во всемъ этомъ нѣтъ „извѣта“ на князя, то населеніе продолжаетъ его любить, т.-е. продолжаетъ ему повиноваться и не прогоняетъ его. Такого „добраго“ князя всякая земля хотѣла бы имѣть у себя, какъ говоритъ лѣтописецъ о Мстиславѣ Ростиславичѣ, потому что этотъ князь всегда „тоснящется“, т.-е. стремился къ хорошимъ дѣламъ: готовъ былъ умереть за русскую землю въ борьбѣ съ погаными и не копилъ себѣ богатства, т.-е. значитъ и не грабилъ населенія.

Таковы несложныя качества князя. Они нужны были князю для того, чтобы „правду дѣяти на семъ свѣтѣ; въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованіи стояти“. Такъ говорилъ знаменитый печерскій игуменъ Поликарпъ внуку Мономахову Ростиславу Мстиславичу. Изъ этого опредѣленія обязанностей князя совершенно ясно, что княжеская „доброта“ нужна для суда и для военнаго дѣла. Законы, регулирующіе судъ, весьма не полны, почему возможенъ совершенный произволъ судьи. Тогда думали, что не изданіемъ законовъ можно помочь дѣлу, но надо подыскать хорошаго князя. Надо, чтобы отъ этого князя (говорили тогда) людямъ доходила „княжая правда“, каковой, напр., не могли дождаться кіевляне отъ Всеволода Ярославича. „Я уже въ старости,— гово-

рилъ Вячеславъ Владимировичъ Мономашичъ своему племяннику Изяславу, — и всѣхъ рядовъ не могу рядить". Сдѣлался князь старъ, не можетъ лично „рядовъ рядить", „людей оправливати", и управлять не можетъ: сейчасъ тіуны начнутъ грабить.

Итакъ, отъ князя требовался прежде всего личный судъ и личная управа.

Съ другой стороны, князь ведетъ военное дѣло. Онъ вступаетъ въ крестное цѣлованіе съ князьями, т.-е. ведетъ внѣшнюю политику; онъ и поддерживаетъ ее силою своей дружины или всего земства. Въ древней Руси полководцемъ могъ быть только князь, просто потому, что безпорядочное земское ополченіе только слушалось и боялось князя. Дружина служила князю и только ему повиновалась. На нашъ взглядъ это очень странно, но такими взглядами была проникнута древняя Русь. Тогда князь могъ потерять сраженіе, если князя не было при войскѣ, потому что „боярина не всѣ слушаются", какъ разсказываетъ лѣтопись про одно сраженіе въ 1151 году. Черезъ 100 лѣтъ на военномъ совѣтѣ князя Даніила Галицкаго „бранніи мужи" такъ говорили своему предводителю: „Ты король, голова всѣмъ полкамъ; если кого-нибудь изъ насъ пошлешь впередъ, то будутъ ли слушать? Ты знаешь воинскій чинъ и ратный обычай: всякій тебя усрамится и убоится; изыди самъ впередъ" Итакъ, члены военнаго совѣта, такъ сказать, главный штабъ цѣлой арміи, сознается, что онъ безсиленъ, что воеводъ не слушаютъ на войнѣ и ихъ не боятся.

Сообразивши все сказанное, не трудно понять, что разъ нѣтъ въ городѣ князя, то нѣтъ судебной и военной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушается и порядокъ. Послѣ смерти Святополка Изяславича въ 1113 г. въ Кіевѣ начинается анархія, потому что избранный вѣчемъ князь Владиміръ Мономахъ медлитъ пріѣздомъ. Благомыслящіе кіевляне торопятъ его: „Ѣсли не пойдешь, то знай —

много зла воздвигнется... Люди разграбятъ и дворъ твоей мачехи, и бояръ, и монастыри". И Мономахъ поторопился пріѣхать. Не удивительно поэтому, что людямъ становилось „тяжко", когда у нихъ не бывало князя. Даже новгородцы не могли долго утерпѣть безъ князя.

Все сказанное разъясняетъ нашъ господствующій въ древней Руси взглядъ на княжескую власть, рисуетъ намъ идеалъ ея и въ то же время указываетъ, въ чемъ заключались основныя обязанности княжеской власти. Въ сущности все тогдашнее управленіе находилось въ рукахъ князя. Поэтому сфера его дѣятельности была широка и разнообразна. Вѣче, какъ извѣстно, только контролировало дѣятельность князя. Такимъ образомъ, въ частности князь вѣдалъ сношенія съ другими князьями и государствами, заключалъ союзы и договоры, наконецъ, объявлялъ войну и заключалъ миръ. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи онъ иногда долженъ былъ совѣщаться съ вѣчемъ. Въ военномъ дѣлѣ князь былъ полнымъ хозяиномъ. Дружина находилась въ личной службѣ у князя; сборы земскаго ополченія и назначеніе начальниковъ его (тысяцкихъ, воеводъ) находились всецѣло въ рукахъ князя. Князь назначалъ начальниковъ гарнизона въ пригороды. На войнѣ власть князя была очень велика, чѣмъ и объясняется тотъ страхъ, который внушало войску княжеское командованіе. Управленіе княжествомъ, хотя оно было не сложно, тоже находилось въ вѣдѣніи князя. Князь назначалъ всѣхъ чиновниковъ, посадниковъ, тіуновъ, тысяцкихъ, мытниковъ и другихъ. Эти чиновники вѣдали полицію, финансовое управленіе и судъ. Судъ, какъ это мы уже знаемъ, составляетъ главнѣйшую обязанность князя: онъ судилъ лично и при помощи своихъ тіуновъ. Въ то время управленіе не было строго отдѣляемо отъ законодательства, потому что законъ только служилъ средствомъ управленія. Оттого древнѣйшіе законы издавались самими князьями. Но

такъ какъ изданіе новыхъ законовъ — дѣло очень важное, то князья обыкновенно при изданіи законовъ совѣтовались съ княжеской думой. Наконецъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что князья принимали очень широкое участіе въ церковномъ управленіи.

Вотъ весь кругъ обязанностей, которыя несъ князь. Княжеская власть въ древней Руси, на всемъ протяженіи ея исторіи, не оставалась неизмѣнной въ различные періоды народной жизни и въ различныхъ княженіяхъ. Нарисованный типъ князя и его отношеній къ населенію—средній, по времени преимущественно относящійся къ XI и первой половинѣ XII в. Древній князь — собиратель Руси опирался на внушительную военную силу въ лицѣ княжеской дружины. Поэтому онъ пользовался большимъ объемомъ власти, особенно въ средѣ покоренныхъ племенъ, которыя тогда держались имъ въ подчиненіи при помощи военной силы и въ которыхъ главная роль принадлежала княжескому посаднику. Если посадникъ и не посылался изъ Кіева, то племенемъ продолжалъ управлять мѣстный племенной князь, подчиненный Кіеву. Сыновья Святослава, Владимира и Ярослава еще настолько сильны, что могутъ самостоятельно распредѣлять между собою столы, и отцы ихъ пробуютъ установить очередной порядокъ занятій столовъ въ княжеской семьѣ. Но этотъ порядокъ уже не выдерживается при внукахъ Ярослава. Нарушаютъ его князья, но и населеніе не остается безучастнымъ къ вопросу о выборѣ князя. Князья конца XI и первой половины XII в. уже должны считаться съ сильно развитымъ вѣчевымъ строемъ. Князья или призываются вѣчемъ, или, по крайней мѣрѣ, утверждаются имъ. Вѣче контролируетъ дѣятельность князя и дѣлитъ съ княземъ верховную власть въ странѣ. Съ теченіемъ времени развитіе вѣча въ различныхъ русскихъ княженіяхъ принимаетъ неодинаковое значеніе. Въ однихъ — вѣче успѣ-

ваетъ усилить свою власть, въ другихъ, иногда въ силу традицій или въ силу фактической слабости вѣча или въ силу слабо развившагося въ данной землѣ политическаго интереса къ земскимъ дѣламъ, у князя еще остается значительная власть. Съ половины XII в. замѣчается новое явленіе: Русь дробится на много отдѣльныхъ княженій, князья садятся въ пригородахъ большихъ городовъ, при чемъ инціатива появленія князя въ пригородѣ, т.-е. установленія новой самостоятельной земской единицы, часто зависитъ отъ горожанъ и рѣже является слѣдствіемъ раздѣленія княземъ данной земли городовъ между своими сыновьями. Дробленіе земли бывало столь велико, что, напр., Кіевская или Полоцкая земля каждая разбилась почти на десять княженій.

При этихъ условіяхъ можно наблюсти нѣсколько типовъ древнерусскихъ княженій, различныхъ по положенію въ нихъ княжеской власти. Вездѣ дѣйствуетъ вѣче, вездѣ оно имѣетъ контролирующее значеніе, вездѣ ему принадлежитъ право избранія или признанія князя. Но степень этого вліянія народной сходки различна.

Не одинаковы также и тѣ элементы населенія, на которые опирается власть князя.

Въ нѣкоторыхъ земляхъ еще крѣпки старыя традиціи. Здѣсь осѣли мѣстныя династіи. Населеніе мирно живетъ съ своими князьями, держится одной княжеской семьи, отстаиваетъ ея интересы. Проявленія раздоровъ и неудовольствія между княземъ и вѣчемъ очень рѣдки. Такое, напримѣръ, положеніе вещей можно замѣтить въ Чернигово-Сѣверской, Смоленской и Владимиро-Волынской земляхъ. Вѣче здѣсь нельзя назвать слабымъ, но его интересы уживаются съ интересами князей, и не одна изъ волостей не имѣетъ преобладающаго значенія въ землѣ: направленія и проявленія княжеской власти покоились на извѣстныхъ традиціяхъ. Сынъ продолжалъ

политику отца, почему и былъ „любъ“ населенію. Можно подмѣтить также, что мѣстные элементы общества находятся въ этихъ земляхъ, такъ сказать, въ равновѣсіи: боярство не настолько сильно, чтобы оттѣснить низшіе классы отъ участія въ рѣшеніяхъ дѣлъ. Въ иныхъ княженіяхъ вѣче, повидимому, очень мало проявляетъ свое вліяніе, какъ, напримѣръ, въ Турово-Пинскихъ княженіяхъ. Въ Галицкой землѣ наблюдается ростъ могущественнаго боярства, которое фактически правитъ страною, хотя правленіе свое и проводитъ черезъ вѣче, гдѣ получаетъ поддержку отъ экономически зависимыхъ отъ него низшихъ слоевъ населенія: здѣшнее боярство немногочисленно и порою представляетъ собою всевластную олигархію.

Въ Владимиро-Суздальской области уже замѣтны попытки перейти къ новому порядку вещей—къ усиленію княжеской власти, къ поднятію ея въ глазахъ населенія, видно стремленіе сузить и даже уничтожить значеніе вѣча и боярскаго совѣта. Такихъ князей мы видимъ въ лицѣ Юрія Долгорукаго, его сына Андрея Боголюбскаго и Всеволода Большое Гнѣздо. Усиливающаяся княжеская власть здѣсь опиралась на низшіе элементы общества и вела борьбу съ меньшими князьями и боярствомъ. Не трудно указать и причины, по которымъ здѣсь легче было разстаться съ древнерусскими традиціями. Населеніе области почти исключительно пришлое: оно бѣжало съ юга отъ княжескихъ междоусобій и половецкихъ набѣговъ, чаще всего вызываемыхъ тѣми же между-княжескими распрями...

Это населеніе разбросалось на огромномъ пространствѣ колонизуемыхъ лѣсовъ и рѣкъ, вело упорную борьбу съ природой и полудикими финскими племенами. Оно добывало тяжелымъ трудомъ тотъ продуктъ, который тогда не имѣлъ большой торговой цѣнности и исключительно

служилъ для поддержанія физическаго существованія — хлѣбъ.

Это сельское населеніе не было склонно къ поддержанію княжескихъ междоусобицъ: предпочитая покойное теченіе жизни, уклонялось отъ активнаго участія на вѣчахъ, будучи притомъ мало связано съ городомъ, гдѣ только и бурлила политическая жизнь.

Если въ Суздальской землѣ мы встрѣчаемъ формы усиленія княжеской власти и даже условія, способствовавшія этому явленію, то въ другихъ частяхъ Руси наблюдается обратное явленіе—рѣзкое преобладаніе вѣча надъ княжескою властью. Это было въ Полоцкой и Новгородскихъ земляхъ.

Полоцкая земля раздробилась почти на десятокъ очень мелкихъ княженій. Въ городахъ сидѣли внуки Рогволода; между ними не соблюдалось древнее правило старшинства, князья переходили изъ города въ городъ по призыву населенія, часто заводили между собой ожесточенныя усобицы. Князья были бѣдны, владѣнія ихъ ничтожны, и они находились въ полной зависимости у вѣча. По всей видимости, правящій элементъ области былъ весьма демократиченъ, потому что совершенно незамѣтно вліянія барства.

Но гораздо большаго развитія, и притомъ планомѣрнаго, въ дѣлахъ народоправства достигла сосѣдняя земля—Новгородская.

Совершенно исходя изъ древнерусскихъ представленій о государственномъ устройствѣ, новгородское народоправство успѣло развиться и выработать извѣстныя юридическія нормы, закрѣпленныя писаннымъ правомъ и устанавливающія отношенія князей и вѣча. Новгородъ уже въ древнѣйшее время былъ наиболѣе виднымъ городомъ, благодаря своему торговому значенію и положенію въ началѣ пути изъ Варягъ въ Греки. Поэтому

уже первые кіевскіе князья сажали въ Новгородѣ, какъ въ наиболѣе важномъ послѣ Кіева центрѣ, своихъ сыновей, а не простыхъ посадниковъ. Въ началѣ XI в. новгородцы оказали большую услугу своему князю Ярославу Владимировичу въ его борьбѣ съ Святополкомъ и при этомъ получили грамоты Ярославлю: „По сей грамотѣ ходите и держите“, сказалъ Ярославъ, по словамъ лѣтописи новгородской. Къ сожалѣнію, эта грамота до насъ не дошла, но, несомнѣнно, это была своего рода конституціонная хартія: на ней послѣдующіе князья цѣловали крестъ новгородцамъ. О содержаніи Ярославовой грамоты можно только догадываться: вѣроятно, она содержала въ себѣ какія-нибудь ограниченія княжеской власти. Во всякомъ случаѣ это былъ первый письменный актъ, ограничивавшій власть князя и притомъ изданный въ очень древнее время, когда княжеская власть была въ большой силѣ.

Съ теченіемъ времени новгородцы добились новыхъ и еще болѣе значительныхъ ограниченій. Въ началѣ XII в. они добились права избирать своего посадника. Въ 1235 г. Новгородское вѣче сдѣлало еще шагъ въ развитіи своихъ правъ: князь Всеволодъ Мстиславичъ отказался отъ торговаго суда, и эти судебныя функціи были переданы въ вѣдѣніе пяти старостъ Ивановскаго купечества, средоточіемъ котораго была церковь св. Ивана на Окопахъ. Объ этомъ князь выдалъ особую грамоту. Тотъ же князь Всеволодъ впослѣдствіи поссорился съ новгородцами и былъ ими изгнанъ.

Съ этого времени въ Новгородѣ вырабатывается общее правило, по которому вѣче приглашаетъ и изгоняетъ князей. Власть вѣча, такимъ образомъ, стала выше княжеской. Съ теченіемъ времени права князя еще болѣе суживаются: князь обязывается не лишать выборныхъ новгородскихъ сановниковъ должностей безъ вины и суда. Право сбора доходовъ и пошлинъ, собиравшихся

въ пользу князя, значительно суживается и обставляется рядомъ такихъ формальностей, которыя не позволяли бы князю дѣлать злоупотребленія. Изъ всѣхъ этихъ постепенно нараставшихъ условій сложился текстъ того договора, ряда, который заключалъ каждый разъ Новгородъ съ своимъ вновь призываемымъ княземъ. Такіе договоры дошли до насъ отъ XIII — XIV вв. По этимъ договорамъ князь обязывался не лишать мужей ихъ волостей (управляемыхъ областей) безъ суда и вины, точно опредѣлялись размѣры и способы сбора княземъ своихъ доходовъ. Въ выборѣ областныхъ правителей и вообще въ назначеніи должностныхъ лицъ, хотя бы въ сферѣ княжескаго управленія, князь былъ весьма стѣсненъ: „безъ посадника тебѣ, князь, волостей не раздавать и грамотъ не писать“, говорятъ грамоты; князь и его дружинники не могли пріобрѣтать въ предѣлахъ области поземельной собственности, князь не могъ „замышлять“ войны безъ соизволенія вѣча. Въ дѣлѣ суда князь также былъ ограниченъ: онъ могъ судить только съ посадникомъ, или чиновники князя судили съ чиновниками посадника.

Однимъ словомъ, контроль вѣча и его органовъ надъ княжеской властью былъ очень силенъ.

Итакъ, въ концѣ древнерусскаго періода выработалось нѣсколько типовъ княжеской власти, разница между которыми заключалась въ степени силы вѣча и отдѣльныхъ элементовъ общества, изъ коихъ оно состояло.

IV.

Княжеская дума.

Хотя по взгляду тогдашняго общества отъ князя требовалось много личной дѣятельности, но, конечно, князь всего управить самъ не могъ. Въ управленіи и судѣ ему помогали особо назначаемыя имъ лица. Но сверхъ этихъ чиновниковъ при князѣ былъ еще особый княжескій совѣтъ, дума княжеская. Присутствіе такой думы при особѣ князя вызывалось цѣлымъ рядомъ условій древнерусской жизни. Управленіе и судъ основывались главнымъ образомъ на личности князя. Тутъ для князя необходимъ былъ совѣтъ свѣдущихъ лицъ и вліятельныхъ на вѣчѣ: такія лица не допустятъ „извѣта“ на князя. Съ другой стороны, отношенія князя къ дружинѣ держались на товарищескихъ началахъ. Оттого князь долженъ былъ совѣтоваться или со своей дружиной или только со старшими мужами.

Посмотримъ теперь, что представляла собой княжеская дума и каковы были обязанности чиновниковъ княжеской администраціи. Особыя условія древнерусской жизни поставляли князя въ необходимость совѣщаться въ дѣлахъ то съ вѣчемъ, то съ дружиною, то съ одними только боярами. Это происходило оттого, что въ древней Руси было слабо сознаніе государственной связи, объединявшей общество и его правителя — князя. Напротивъ, между княземъ и его подданными преобладали отношенія личнаго характера: князь созывалъ къ себѣ дружинниковъ, они ему служили. Но князь не могъ приказывать дружинѣ, такъ какъ дружина исполнила бы только то, что ей кажется наилучшимъ. Садясь на столъ,

князь рядился съ вѣчемъ. Но онъ не могъ давать приказаній населенію, если вѣче не одобрило предположеній князя. Отсюда ясно, что князь могъ управлять только при помощи совѣщаній съ окружавшими его вѣчемъ, дружиною, боярами.

Въ исторіи думы княжеской можно намѣтить два періода. Первый періодъ относится къ эпохѣ древнѣйшихъ князей, заканчиваясь при Владимирѣ Святомъ. Во всѣхъ важнѣйшихъ военныхъ дѣлахъ князья ведутъ совѣщанія со всею дружиною. Но дѣла управленія раздѣляются очень немногими. Обыкновенно при князѣ мы встрѣчаемъ одно лицо или два, имѣющее, очевидно, громадное вліяніе на дѣла. Такъ, при князѣ Игорѣ встрѣчаемъ Свенельда, при Святославѣ такими же мужами были Свенгельдъ и Асмудъ, конечно, варяги. Сынъ Святослава Ярополкъ сначала находится подъ сильнымъ вліяніемъ того же Свенгельда, а потомъ Блуда, которымъ и былъ преданъ Владимиру. Въ первую половину своего княженія Владимиръ Святой находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего дяди Добрыни. Всѣ эти мужи, повидимому, начальники большихъ отрядовъ. Они пользовались громаднымъ вліяніемъ на князя и весьма напоминаютъ майордомовъ франкскаго двора. Правда, и при послѣдующихъ князьяхъ мы встрѣчаемъ особыхъ милостниковъ, съ которыми князь держитъ совѣты, но большого значенія они не имѣютъ.

Съ Владимира Св. замѣтенъ поворотъ, расширеніе круга княжескихъ совѣтниковъ. Уже Владимиръ Св. приглашаетъ на совѣщанія свои, на думу къ себѣ, своихъ бояръ, градскихъ старцевъ, вызываетъ посадниковъ, сидящихъ въ разныхъ городахъ, наконецъ, совѣщается, даже по гражданскимъ дѣламъ, съ епископами. Такимъ образомъ, кругъ княжескихъ совѣтниковъ весьма расширился: въ составъ княжеской думы вошли лица, которыхъ мы здѣсь встрѣчаемъ и во все послѣдующее

время. Такъ сложился княжескій совѣтъ — изъ бояръ, мужей — правителей и (въ рѣдкихъ случаяхъ) изъ епископа.

Тутъ является прежде всего вопросъ, почему именно съ эпохи Владимира Св. начинаетъ складываться составъ княжеской думы. Отвѣтомъ можетъ служить то соображеніе, что съ Владимира Св. самый характеръ княжеской власти измѣняется: князь-дружинникъ осаживается, начинаетъ все свое вниманіе обращать на управленіе; онъ разстается съ сборной ватагой дружинниковъ, большею частью норманновъ съ ихъ предводителями. При такихъ условіяхъ со стороны князя было естественнымъ обращаться за совѣтами не только къ своимъ мужамъ, но и къ земскимъ боярамъ, къ старцамъ и даже къ епископамъ.

Если при древнѣйшихъ князьяхъ мы не видимъ княжеской думы, то, однако, несомнѣнно, что и эти князья совѣщались со всею своею дружиною: такія совѣщанія, напр., держитъ Святославъ Игоревичъ. Эти совѣты князя съ дружиною, обращеніе къ ней князя, бывали и въ послѣдующее время, но ихъ не должно смѣшивать съ совѣщаніями съ думой княжеской.

Совѣты со всею дружиною касались только военныхъ дѣлъ или же такихъ, когда дѣло касалось и князя и дружины. Наша лѣтопись очень часто разсказываетъ объ этихъ княжьихъ думахъ съ его дружиною. Вотъ, напр., совѣщаніе новгородскаго князя Святослава Ростиславича (сына Ростислава Мстиславича Смоленскаго). Въ 1160 г. пріятели Святослава изъ новгородцевъ приходятъ къ нему и заявляютъ, что новгородцы собираютъ вѣче, хотятъ плѣнить Святослава. Разспросивъ новгородцевъ, князь являетъ рѣчь ихъ дружинѣ. И сказала ему дружина: „А прежде они тебѣ крестъ цѣловали послѣ смерти твоего отца; но они всегда не вѣрны къ своимъ князьямъ. Промыслимъ мы сами о себѣ прежде, чѣмъ

люди начнутъ о насъ промышлять". Князю оставалось только послѣдовать совѣту своей дружины. Рѣшеніе уйти изъ Новгорода не могло быть дѣломъ только думы князя съ небольшимъ кружкомъ своихъ бояръ, такъ какъ касалось всей дружины. Совѣщаніе князя съ дружиной не было простой декораціей. Въ очень многихъ случаяхъ даже и очень самостоятельные князья прислушивались къ голосу своей дружины. Достаточно напомнить, что даже и такой любимый въ древней Руси князь, какъ Владимиръ Мономахъ, прислушивался къ голосу своей дружины. Въ 1095 году два половецкихъ хана, Итларь и Китанъ, подошли къ Переяславлю, гдѣ княжилъ Владимиръ, для того, чтобы заключить миръ съ нимъ. Итларь вошелъ на ночь въ городъ къ своему пріятелю, Владимирову боярину Ратибору, взявъ заложниковъ сына Владимира Святослава. Дружина стала настаивать на избіеніи Итларя съ его воинами. Владиміръ не соглашался: „Какъ я могу это сдѣлать, когда я присягалъ?" говорилъ князь. И дружина все-таки настояла на своемъ: она выкрала Святослава изъ лагеря и коварно убила обоихъ хановъ.

Совѣщанія князя со всею дружиною были очень часты. Но, тѣмъ не менѣе, это были экстраординарныя совѣщанія. Къ нимъ князья прибѣгали во время войны, или вообще въ такихъ случаяхъ, когда надо было „изострить" сердца дружины. Текущая жизнь, управленіе княжествомъ, проходила при ближайшемъ участіи небольшой группы старѣйшаго боярства, окружавшаго князя. Эти бояре составляли при князѣ его княжескую думу.

Прежде всего очень важно опредѣлить, какіе бояре могли входить въ княжескую думу, т.-е. были ли въ княжествѣ совѣтники, которыхъ князья обязаны были приглашать на совѣщанія, или же князь обращался за

совѣтомъ, къ кому ему угодно изъ своей дружины, и составъ совѣта каждый разъ мѣнялся.

Выборъ совѣтниковъ принадлежалъ самому князю. Когда въ 1169 году между княземъ Владимиромъ Мстиславичемъ дорогобужскимъ и его боярами произошла распря, то князь, посмотрѣвъ на своихъ дѣтскихъ сказалъ: „Такъ вотъ эти будутъ моими боярами“, т.-е. иными словами объявилъ, что онъ будетъ призывать своихъ младшихъ дружинниковъ на княжескіе совѣты. Такимъ образомъ, князь пользовался свободой въ выборѣ своихъ думцевъ; но на практикѣ древнерусскіе князья очень рѣдко прибѣгали къ такому выбору. Съ теченіемъ времени около князей образовались группы бояръ изъ постоянныхъ совѣтниковъ.

Былъ цѣлый рядъ условій, которыя связывали князя съ боярской группой его княжества. Князь вырастаетъ среди бояръ своего отца и, переходя на самостоятельное княженіе, переходитъ съ отцовскими же боярами. Эти бояре являются, конечно, княжескими совѣтниками и тогда, когда князь занимаетъ отчій столъ. Еще въ молодости князь привыкаетъ съ большимъ почтеніемъ относиться къ похвалѣ или порицанію своихъ отчихъ бояръ. Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій первыя похвалы своей храбрости услышалъ отъ этихъ мужей. Когда Владиміръ Мономахъ и Святополкъ задумали покончить многолѣтнія распри съ Ольговичами, они звали Олега Святославича на совѣщаніе, чтобы положить рядъ передъ епископами, игуменами и мужами отцовъ нашихъ. Понятно, что такимъ образомъ въ боярскомъ классѣ князья находятъ рядъ очень близкихъ лицъ, къ которымъ и обращаются за совѣтами.

Бояре были помощниками князя во всѣхъ отношеніяхъ: они отъ имени князя правятъ посольства, управляютъ городами въ качествѣ посадниковъ, держатъ тысячу, т.-е. являются военачальниками земскаго

ополченія. Бояре ведутъ войска въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не можетъ сдѣлать князь. Князь издавалъ законы по совѣту со своими боярами. Обыкновенно въ законодательный актъ записывались имена бояръ, по совѣту съ которыми изданъ законъ. Такъ, послѣ смерти Ярослава его три сына собрались вмѣстѣ съ тремя своими мужами: Коснячкомъ, Перегономъ и Никифоромъ, и сообща издали постановленіе, отмѣняющее обычай кровавой мести и замѣняющее его вирой. Владимиръ Мономахъ для обсужденія и изданія своего закона о рѣзахъ, т.-е. о процентахъ, созвалъ на совѣщаніе въ село Берестово нѣкоторыхъ своихъ мужей, въ числѣ которыхъ было три тысяцкихъ: кіевскій—Ратиборъ, бѣлгородскій—Прокопій и переяславскій—Станиславъ. Весьма замѣчательно, что великій князь для этого важнаго совѣщанія вызвалъ изъ городовъ тысяцкихъ. Въ распоряженіяхъ, изданныхъ князьями вмѣстѣ со своими мужами, всегда говорится: „уставили“ „уставиша“ (т.-е. князь съ боярами), т.-е. мужи были призваны не только для совѣщанія, но и для изданія законовъ. Изъ предыдущаго, между прочимъ, видно, что въ совѣтѣ князя сидятъ административныя лица. Но въ этомъ совѣтѣ сидѣли не только тысяцкіе, но и другіе администраторы, напр., окольничіе, дворскіе, т.-е. дворецкіе, печатники, намѣстники. Вообще слѣдуетъ сказать, что къ XIII вѣку княжеская дума представляла собою совѣтъ, въ которомъ большею частью сходились бояре, вѣдавшіе какою-нибудь отраслью управленія. Въ важныхъ случаяхъ въ совѣтъ призывался мѣстный епископъ или его намѣстникъ.

Боярскій совѣтъ не былъ многочисленъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ источники перечисляютъ его и насчитываютъ человѣкъ шесть—семь, иногда десять. Бояре приходили къ князю ежедневно. Владимиръ Мономахъ въ своемъ Поученіи совѣтуетъ дѣтямъ дѣлать такъ, какъ и онъ самъ дѣлалъ: встрѣчать восходъ солнца молитвами

и, сходивъ въ церковь, садиться думать съ дружиною и оправливать людей, т.-е. заниматься текущею административною и судебною дѣятельностью. Преподобный Ѳеодосій Печерскій, какъ разсказываетъ его жизнеописатель, ѣдучи на разсвѣтѣ изъ княжескаго терема къ себѣ въ монастырь, встрѣчалъ на дорогѣ вельможъ, направляющихся къ князю. Значитъ, это раннее думанье князя съ дружиною было дѣломъ обычнымъ въ то время.

Итакъ, вся дѣятельность князя — административная, судебная, законодательная проходитъ при совѣщаніяхъ съ боярами; даже его личныя дѣла обсуждаются имъ вмѣстѣ съ тѣми же боярами. Чтобы отчетливѣе себѣ представить ту тѣсную связь, которая существовала между княземъ и мужами, мы разскажемъ нѣсколько совѣщаній. Такъ, въ 1111 г. Владимиръ Мономахъ сталъ побуждать великаго князя кіевскаго Святополка къ походу на половцевъ. Святополкъ передалъ своей дружинѣ предложеніе Владимира Мономаха. Дружинники отвѣтили Святополку: „Теперь не время, придется оторвать смерда отъ его плуга“. Святополкъ не рѣшился настаивать и послалъ къ Владимиру сказать: „Съѣдемся и подумаемъ вмѣстѣ съ дружиною“. Князья со своими совѣтниками съѣхались въ Долобскѣ. Очень интересно дальнѣйшее описаніе самой думы. Оба князя сѣли въ одномъ шатрѣ; съ одной стороны — Владиміръ съ дружиной, а съ другой — Святополкъ. Никто изъ собравшихся не рѣшался начать рѣчь. Наконецъ Владиміръ сказалъ, обращаясь къ Святополку: „Братъ, ты старше, почни говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ“. Святополкъ предложилъ, однако, Владимиру начать рѣчь и тотъ сказалъ: „Я бы и хотѣлъ говорить, да мнѣ возражаетъ и твоя и моя дружина, говоря: онъ хочетъ погубить смердовъ и ихъ пашни. Но вотъ, что мнѣ дивно, братіе, что смердовъ вы жалѣете и ихъ

коней, а вотъ о томъ не подумаете, что на весну начнетъ смердъ пахать своей лошадью и пріѣдетъ половчинъ, пронзитъ смерда стрѣлой, заберетъ его лошадку и жену его, и дѣтей его, и гумно его зажжетъ. Такъ вотъ почему вы объ этомъ не думаете?“ И сказала тогда вся дружина: „Право, воистину такъ“. Тогда и Святополкъ сказалъ: „Я, братъ, готовъ съ тобой“. Хотя по лѣтописному обыкновенію здѣсь вездѣ говорится о совѣщаніи князей съ дружиною, но здѣсь выступаетъ только старшая дружина обоихъ князей. Изъ этого совѣщанія видимъ также и обычай, господствовавшій въ думѣ: рѣчь начиналъ старшій. Видно также и то, что князь не могъ ничего приказать своей дружинѣ: надо было ее убѣдить, какъ это сдѣлалъ Мономахъ, или согласиться съ ея мнѣніемъ — уступить ей, какъ это вначалѣ сдѣлалъ Святополкъ.

Въ древнѣйшей лѣтописи разсказано множество случаевъ такихъ совѣтовъ князя со своими мужами. Остановимся еще на одномъ эпизодѣ, довольно продолжительномъ, который показываетъ намъ, что древнерусскій князь постоянно, во всѣхъ дѣлахъ, совѣщался съ боярами. Князь Рюрикъ Ростиславичъ въ 1194 году сѣлъ на княженіе въ Кіевѣ. Но въ самомъ началѣ его княженія случился эпизодъ довольно щекотливаго свойства. Самымъ сильнымъ княземъ на Руси, старѣйшимъ изъ всѣхъ князей, былъ Всеволодъ Большое Гнѣздо, князь суздальскій. Онъ прислалъ къ Рюрику своихъ пословъ съ требованіемъ отдать ему тѣ волости въ Кіевской землѣ, которыя уже отдалъ Рюрикъ своему зятю Роману Мстиславу, и крестъ на томъ цѣловалъ. Противникъ былъ сильный. Рюрикъ началъ думать съ мужами своими, и сначала онъ былъ склоненъ довести дѣло даже до войны. Митрополитъ Никифоръ, призванный въ думу, совѣтовалъ отступить отъ крестнаго цѣлованія во избѣжаніе кровопролитія. Князь Романъ

соглашался на замѣну городовъ. Рюрикъ, обдумавъ все дѣло съ мужами своими, передалъ города Всеволоду. Но Всеволодъ, получивъ города, лучшій изъ нихъ, Торческъ, отдалъ своему зятю князю Ростиславу, сыну самого Рюрика. Князь Романъ во всемъ этомъ увидѣлъ обманъ и сталъ готовиться къ войнѣ въ союзѣ съ черниговскими Ольговичами. Снова собралъ князь Рюрикъ своихъ мужей и на общемъ совѣтѣ рѣшено было послать къ Всеволоду съ просьбой о помощи, а къ самому Роману послать мужа, чтобъ обличить его неправду. Дѣло не дошло до войны, такъ какъ Романъ успѣлъ потерять битву въ войнѣ съ поляками и долженъ былъ самъ извиняться передъ Рюрикомъ. Митрополитъ ходатайствовалъ за Романа. На совѣтѣ съ мужами своими Рюрикъ отпустилъ вину Роману и установилъ условія, на которыхъ готовъ съ нимъ помириться. На совѣтѣ съ тѣми же мужами были выработаны и способы, какъ помирить князя Всеволода съ черниговскими Ольговичами.

Этотъ маленькій эпизодъ показываетъ, что дума съ боярами была заурядным, необходимымъ условіемъ княжеской дѣятельности. Всѣ узлы этого эпизода обсуждались мужами въ думѣ.

Но теперь спрашивается: долженъ ли былъ древнерусскій князь совѣщаться со своими боярами и въ какихъ именно случаяхъ? Княжескій совѣтъ создался въ силу обычая и удобствъ. Существованіе такого совѣта, конечно, не было опредѣлено никакими законами и на князя не налагалось никакихъ обязательствъ призывать бояръ въ свой совѣтъ. Точно такимъ же образомъ не существовало и обязательнаго состава совѣта. Но если рядъ особыхъ условій, какъ мы видѣли, побуждалъ князя пользоваться совѣтами лицъ не только тѣхъ, какія ему были пріятны, такъ точно и совѣщаніе съ этими думцами вызывалось практическою необходимостью и поддерживалось обычаями. Конечно, если князю не люба

была рѣчь его думцевъ, онъ могъ не повѣдать имъ своей думы, могъ, наконецъ, не послушать ихъ совѣта. Такіе случаи иногда и бывали, но для князей часто оканчивались печальными послѣдствіями, такъ какъ лишиться помощи бояръ въ нужную минуту было дѣломъ очень опаснымъ. Князь Владимиръ Мстиславичъ въ 1169 г. преступилъ крестное цѣлованіе и вошелъ въ союзъ съ предводителями Берендичей противъ кіевскаго князя Мстислава Изяславича. Задумавъ это, онъ послалъ къ своимъ боярамъ съ извѣстіемъ. Но тѣ ему отвѣтили: „О себѣ, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ мы съ тобой. Мы того не вѣдали“. Старшая дружина не поѣхала съ Владимиромъ. Когда же Берендичи увидѣли Владимира безъ союзниковъ и безъ мужей, то встрѣтили его стрѣлами, и князь принужденъ былъ бѣжать.

Даже сильному князю было не безопасно пренебрегать совѣтами мужей. Противъ Владимира, князя галицкаго, который „думы не любилъ съ мужами своими“, возстали галицкіе бояре, выступили противъ него со своими полками такъ, что Владимиръ принужденъ былъ бѣжать. Извѣстно, что и Андрей Боголюбскій прогналъ „переднихъ мужей отца своего“, но конецъ его былъ весьма печаленъ. Бояре были сильны не только своими полками, но и своимъ вліяніемъ на населеніе и даже на другихъ князей. Независимо даже отъ силы и значенія каждаго отдѣльнаго боярина, само древнерусское общество было проникнуто воззрѣніемъ, обязывавшимъ князя обращаться къ совѣту бояръ и притомъ преимущественно мѣстныхъ бояръ, къ руководству которыхъ привыкло населеніе. Поэтому населеніе всегда враждебно относилось къ такимъ князьямъ, которые, садясь на столъ, приходили съ своею дружиною, чуждаго племени.

Итакъ, тогдашнія условія дѣлали княжескую думу, состоящую изъ вліятельныхъ и преимущественно

мѣстныхъ бояръ, необходимымъ элементомъ въ управленіи.

Но изъ предыдущаго также видно, что княжеская дума была бытовымъ явленіемъ, покоющимся на обычаѣ. Такъ было во всѣхъ княженіяхъ, за исключеніемъ Новгорода. Первоначально и въ Новгородѣ княжеская дума имѣла такой же характеръ и составъ, какъ и въ остальныхъ земляхъ. Но развитіе политической жизни В. Новгорода выразилось съ теченіемъ времени въ томъ, что княжеская дума превратилась въ правительственный совѣтъ, вполнѣ самостоятельный по отношенію къ князю и съ довольно опредѣленной компетенціей. Развитіе этого совѣта относится къ XIII в. Составъ его строго опредѣляется; въ него входятъ степенные посадникъ и тысяцкіе, и также сотскіе, затѣмъ всѣ „старые“ посадники и тысяцкіе, т.-е. уже отбывшіе свою службу, вѣроятно, также и другіе бояре. Совѣтъ былъ весьма многочисленный, ибо въ немъ, по свидѣтельству нѣмецкихъ писателей, засѣдало до 300 членовъ. Въ этомъ совѣтѣ князь былъ только предсѣдателемъ, а въ его отсутствіи эту обязанность выполнялъ новгородскій владыка. Совѣтъ былъ подчиненъ только вѣчу; но такъ какъ въ немъ сидѣли очень видныя лица, то онъ оказывалъ большое вліяніе на народное собраніе. Совѣту принадлежалъ широкій кругъ вѣдомства по дѣламъ административнымъ и судебнымъ, а также по сношенію съ иностранцами.

V.

Княжеская администрація.

Княжеская дума была только совѣщательнымъ органомъ. Въ ней засѣдали и нѣкоторые изъ представителей княжеской администраціи. Теперь нужно разсмотрѣть характеръ и обязанности послѣдней. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что древнерусская администрація отличалась большою простотою своего устройства. Она не была похожа на современный государственный механизмъ. Теперь, напримѣръ, въ каждомъ государствѣ установилось большое отличіе мѣстныхъ органовъ управленія, завѣдующихъ какою-нибудь областью, отъ центральныхъ органовъ государства, завѣдывающихъ какою-нибудь отраслью управленія по всему государству. Въ настоящее время также отличаются личные слуги государя отъ администраторовъ, завѣдующихъ государственнымъ управленіемъ, такъ что дѣла государственнаго управленія вовсе не смѣшиваются съ частными дѣлами монарха. Древность не знала такихъ разграниченій.

Княжеская администрація состояла изъ чиновниковъ, которыхъ можно разбить на двѣ группы: къ первой группѣ относятся такіе чиновники, которые являются органами государственнаго управленія въ собственномъ смыслѣ; вторая группа состояла изъ личныхъ слугъ князя, исполнявшихъ дворцовыя обязанности, но въ то же время имѣвшихъ порученія по управленію княжествомъ. Поэтому, будучи слугами князя, они были и государственными чиновниками.

Во главѣ первой группы стоятъ должности *посадниковъ* и *тысяцкихъ*.

Посадникъ замѣнялъ собою въ городѣ или въ цѣлой области лицо князя. Посадники были во всѣхъ городахъ, такъ что „посадить посадниковъ по городамъ“ означало то же, что занять города, присоединить ихъ. Только въ томъ городѣ, гдѣ жилъ князь, посадника не было, за исключеніемъ Новгорода, гдѣ выборный посадникъ былъ рядомъ съ княземъ. Такъ какъ посадникъ замѣнялъ собою лицо князя, то тѣмъ самымъ опредѣляются и его обязанности: посадникъ вѣдалъ судъ, полицію. Для исполненія полицейскихъ обязанностей у посадниковъ были свои отроки. Вѣроятно, они же и составляли гарнизонъ города, начальникомъ котораго былъ тотъ же посадникъ. Такое положеніе посадника вызывалось простою необходимостью: нерѣдко мы узнаемъ, что князья сажаютъ посадниковъ въ только что завоеванные города среди враждебно настроеннаго населенія. Надо думать, что въ такихъ случаяхъ въ распоряженіи посадниковъ была военная сила. По своей военной обязанности посадники, вѣроятно, назывались иногда и воеводами; званіе воеводъ обыкновенно прилагалось къ тысяцкимъ: но тысяцкихъ было очень немного, только въ большихъ округахъ, и тысяцкіе были близкими къ земству людьми; между тѣмъ иногда воеводы небольшихъ городовъ имѣли достаточно силы, чтобы держать городъ противъ воли вѣча въ подчиненіи своему князю. Со второй половины XII вѣка вмѣсто простыхъ мужей посадничать въ города посылаются мелкіе князья; такъ, напр., въ Кіевской землѣ было нѣсколько городовъ, въ которыхъ посадничали подручные князя въ зависимости отъ великаго князя. Такое совмѣщеніе должности посадника въ лицѣ зависимаго князя было тѣмъ легче, что должность посадника замѣняла собой князя. Посадничать въ городѣ было выгодно потому, что съ судомъ и управленіемъ соединялось собираніе доходовъ, часть которыхъ шла въ казну князя. Оттого съ конца XII вѣка стали гово-

рить объ управленіи городами, какъ о раздачѣ „кормовъ:“ „Даніилъ,—говоритъ лѣтопись, — раздалъ города боярамъ своимъ и воеводамъ, и было у нихъ корма много“.

Другимъ очень древнимъ чиновникомъ былъ *тысяцкій*, иногда называвшійся еще воеводою. Тысяцкій былъ начальникомъ земскаго ополченія, такъ что подчиненный ему округъ назывался тысячею. Въ нѣкоторыхъ княженіяхъ было по нѣскольку тысяцкихъ, напр., въ Кіевскомъ были: кіевскій, бѣлгородскій и вышгородскій тысяцкіе. Кажется, что вмѣсто тысячи иногда употреблялось еще названіе полка, какъ для дѣленія территоріи, такъ и для военнаго отряда. Тысяцкому были подвѣдомственны сотскіе и десяцкіе. Такимъ образомъ, земское ополченіе имѣло своихъ особыхъ начальниковъ и было раздѣлено на тысячи, сотни и десятки. Но это числовое дѣленіе въ дѣйствительности не наблюдалось и тысяча была просто, какъ и сотня округомъ.

Происхожденіе какъ тысяцкихъ съ ихъ подчиненными, такъ и числового раздѣленія объясняется такимъ образомъ: до объединенія русскихъ племенъ подъ главенствомъ Кіева такого дѣленія не могло быть; но когда понадобилось при первыхъ князьяхъ собирать земское ополченіе для тогдашнихъ частыхъ походовъ, то, очевидно, должна была возникнуть военная организація и, конечно, самая простая — по числовому принципу. Начальниковъ этого ополченія — тысяцкихъ — назначалъ князь. Такъ это велось и впослѣдствіи. Тысяцкій вообще былъ очень важнымъ чиновникомъ: въ княжеской думѣ онъ занимаетъ самое видное мѣсто, пользуется большимъ вліяніемъ на населеніе.

Сотскіе не только были представителями военной администраціи: они вообще были представителями общинъ. Посадники и тысяцкіе съ ихъ подчиненными являются чиновниками съ характеромъ государственнымъ. Съ та-

кимъ же характеромъ были еще слѣдующіе чины. *Печатникъ* прилагалъ княжескія печати къ грамотамъ; это было важное лицо. Были довольно важные чиновники финансоваго вѣдомства. Такимъ былъ, напр., *таможникъ*, завѣдывавшій сборомъ пошлинъ съ провозимыхъ для продажи товаровъ. Ему были подчинены особые сборщики—*куноемцы*. Такой таможникъ былъ въ Смоленскѣ. Въ Кіевѣ важнѣйшее лицо, собиравшее пошлины съ товаровъ и вѣдавшее торговой полиціею, называлось *осмникъ*. Въ Новгородѣ осмники наблюдали за постройкою мостовъ. Мелкіе сборщики, стоявшіе на мостахъ, на перевозахъ, на рынкахъ у вѣсовъ, назывались *мытниками*. Лицо, завѣдывавшее постройкою мостовъ, называлось *мостникомъ*, а *городникъ* вѣдалъ постройкою городскихъ стѣнъ. При судѣ были особые чиновники, какъ *вирники* *), *мечники*, *метельники*, *дѣтскіе*, *отроки*. Два послѣднія названія, дѣтскихъ и отроковъ, были собственно названіемъ младшихъ дружинниковъ. Какъ таковые, они иногда получали отъ князя самыя разнообразныя назначенія, посылались даже посадниками въ города и пр.

Какъ видимъ, эта администрація очень не многочисленна; ее дополняла администрація княжескаго двора. Сравнительно съ первою, т.-е. собственно, съ посадниками и тысяцкими, эта дворовая администрація болѣе поздняго происхожденія, и она входитъ въ силу только съ половины XII вѣка, особенно въ XIII. Это понятно, потому что стоитъ вспомнить только простой образъ жизни такихъ князей, какъ Олегъ, Святославъ, чтобы сообразить, что при нихъ не было мѣста княжескому двору и придворному штату. Ольгѣ, Святославу прислу-

---

*) Нѣкоторые ученые полагаютъ, что посадникъ и вирникъ одно и то же лицо; другіе — что вирникъ былъ сборщикомъ впръ при княжескомъ судѣ или при посадникѣ.

живали нѣсколько отроковъ. Но ужъ Владимиръ Мономахъ, который за всѣмъ самъ смотрѣлъ въ своемъ домѣ, который самъ, напримѣръ, вѣдалъ весь снарядъ, относящійся къ охотѣ, охотничьимъ соколамъ и ястребамъ, былъ уже исключеніемъ среди князей.

Важнѣйшія обязанности при княжескомъ дворѣ лежали на тіунахъ.

Тіунство значитъ прежде всего наемъ въ услуженіе. Въ то время слуги большею частью были холопами, гораздо рѣже — свободными. Русская Правда предвидитъ, что человѣкъ, сдѣлавшійся тіуномъ или ключникомъ безъ договора, становился холопомъ; изъ этого видно, что тіунъ и ключникъ обыкновенно были изъ рабовъ. Тіуны бывали и у частныхъ лицъ съ такими же обязанностями, какъ и у князя. Тіунами назывались слуги для самыхъ разнообразныхъ порученій по княжескому хозяйству. Такъ, тіуны вмѣстѣ съ ключниками вѣдали княжеское добро, драгоцѣнности, одежду, домашнюю утварь. Тіуны завѣдывали стадами, а особые сельскіе тіуны изъ холоповъ были старшими надъ прочею челядью. Такимъ образомъ, тіуны являются прежде всего приставниками къ различнымъ отраслямъ княжескаго хозяйства.

Но близость къ князю дѣлала то, что тіунамъ поручались и дѣла по управленію княжествомъ. Такъ, встрѣчаемъ тіуновъ, которые посылаются для постройки города. Въ Смоленскомъ княжествѣ на волокѣ, соединявшемъ одну часть великаго воднаго пути съ другой, былъ особый тіунъ, который наблюдалъ за порядкомъ при перегрузкѣ товаровъ, заботился о безопасности пріѣзжихъ иностранныхъ купцовъ. Такимъ образомъ, онъ исполнялъ полицейскія обязанности. Это уже тіуны, исполнявшіе государственную службу и вышедшіе изъ приниженнаго положенія слуги, большею частью раба. Обыкновенно князья поручали своимъ тіунамъ судъ вмѣ-

сто себя. Оттого тіунъ, какъ чиновникъ,—судья по преимуществу.

Среди тіуновъ мы встрѣчаемъ и близкихъ къ князю лицъ. Съ теченіемъ времени выдѣляется одна тіунская должность. При княжескомъ хозяйствѣ можно различить три главнѣйшія должности тіуновъ: сельскаго тіуна, конюшаго тіуна и огнищнаго тіуна. Сельскій тіунъ— самъ холопъ и начальникъ надъ холопами же въ порученномъ ему селѣ; это — сельскій приказчикъ. Конюшій тіунъ, это — старшій конюхъ, впослѣдствіи, въ московскій періодъ превратился въ очень важную должность ближайшаго при царѣ конюшаго боярина. Но въ древнѣйшій періодъ выше всѣхъ поднялся огнищный тіунъ, т.-е. начальникъ надъ княжескимъ огнищемъ, дворомъ. По своей должности дворецкаго это былъ тотъ же ключникъ; такимъ именемъ огнищный тіунъ иногда и назывался. Уже въ XII вѣкѣ это было очень сильное лицо. Даже такой самостоятельный человѣкъ, какимъ былъ князь Андрей Боголюбскій, не избѣжалъ вліянія своего слуги: у него былъ ключникъ Анбалъ, который „ключъ держалъ у всего дома и во всемъ ему князь волю давалъ“. И такой сильный человѣкъ былъ, по всей видимости, или рабомъ или, по крайней мѣрѣ, совершенно случайно возвысившимся человѣкомъ: онъ родомъ былъ съ Кавказа и началъ свою службу въ рубищѣ, а кончилъ въ багряницѣ.

Около половины XII в. или немного позже тіунъ огнищный, или главный ключникъ, большею частью называется дворскимъ, т.-е. дворецкимъ (это названіе буквально соотвѣтствуетъ „огнищному“). Раньше всего высокое значеніе должность дворскаго получила въ Галицкомъ княженіи. На дворѣ Даніила это — первый сановникъ. Онъ уже вѣдаетъ не только дворомъ княжескимъ, но и командуетъ войсками, начальствуетъ въ городѣ въ отсутствіе князя. Впослѣдствіи и въ Московскомъ госу-

дарствѣ должность дворецкаго возлагалась на самаго важнаго боярина.

Итакъ, изъ огнищнаго тіуна, большею частью раба, постепенно выработалась высшая должность въ государствѣ.

Съ теченіемъ времени изъ княжихъ дворовыхъ слугъ вышло и еще нѣсколько важныхъ чиновниковъ. Такими были, напримѣръ, *ловчіе,* которые вѣдали княжеской охотою. Они сдѣлались финансовыми чиновниками. Затѣмъ *стольники,* первоначально служившіе за княжескимъ столомъ, стали употребляться для дипломатическихъ и административныхъ порученій. *Окольничій,* завѣдывавшій приготовленіемъ помѣщенія для князя, сидитъ уже въ княжеской думѣ вмѣстѣ съ передними боярами.

Такъ слуги постепенно, вслѣдствіе близости къ князю, сдѣлались видными чиновниками. Обязанности этихъ слугъ, сначала не видныя, не достойныя свободнаго человѣка, съ теченіемъ времени дѣлаются весьма почетными. Конечно, дворскій, окольничій и др. въ XIII вѣкѣ уже не несутъ постоянно тяжелой службы по управленію княжескимъ хозяйствомъ: для этого есть настоящіе слуги—холопы. Только въ парадныхъ случаяхъ дворскій появляется со своими ключами, стольники прислуживаютъ за княжимъ столомъ и пр.

Такъ въ представленіи людей того времени смѣшивались понятія о службѣ государственной съ понятіями княжескаго слуги.

Обзоръ чиновъ княжеской администраціи показываетъ, что она была весьма немногочисленна, не отличалась строгою системою. Больше того, можно сказать, что системы совсѣмъ не было. Только низшіе чины имѣли должности съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей (въ родѣ мытниковъ, вирниковъ и т. п.). Но обязанности крупныхъ должностныхъ лицъ не отличались такою опредѣленностью, какъ должности посадниковъ, тысяц-

кихъ. Своимъ дворовымъ слугамъ князь даетъ разнообразныя порученія. Все это объясняется тѣмъ взглядомъ на княжеское управленіе, который существовалъ въ древней Руси. Все сводилось къ личнымъ качествамъ князя, и для управляемыхъ было безразлично, какіе чиновники будутъ при князѣ и какъ будутъ распредѣлены ихъ обязанности. Князь долженъ былъ нести лично бремя правленія, а если гдѣ не могъ успѣть, посылалъ вмѣсто себя своихъ бояръ или своихъ личныхъ слугъ.

Теперь, въ заключеніе нашего очерка княжеской администраціи, интересно задаться вопросомъ о томъ, какъ относилось само населеніе къ княжеской администраціи, было ли оно ею довольно. Разумѣется, тутъ не можетъ быть одной общей мѣрки. Но древность оставила намъ рядъ безконечныхъ жалобъ населенія на княжескихъ тіуновъ и бояръ: не даромъ такъ поддерживался и идеалъ князя, лично ведущаго все управленіе. Княжій тіунъ сдѣлался синонимомъ грабителя населенія, человѣка алчнаго, у котораго нѣтъ правосудія.

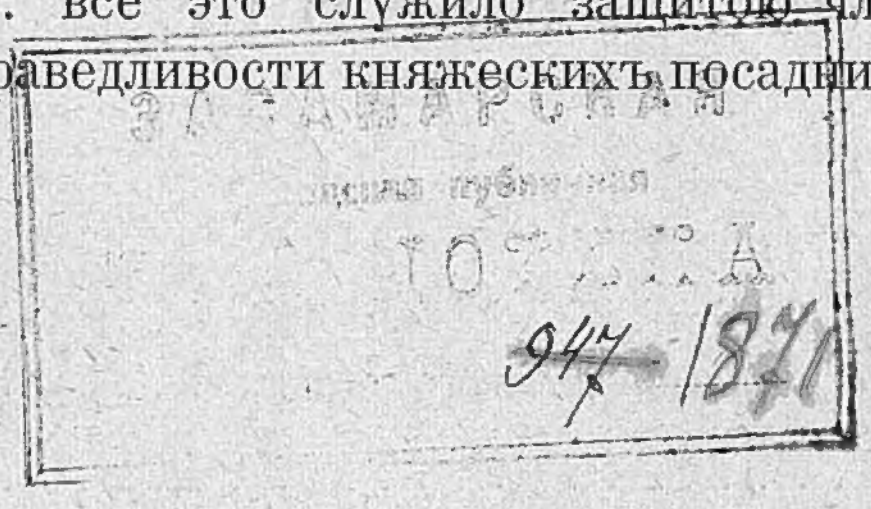
Сохранился разсказъ, передающій разговоръ тверского епископа Симеона съ княземъ Константиномъ полоцкимъ (XIII в.). Князь однажды освѣдомился у епископа: „Гдѣ быть тіунамъ нашимъ на томъ свѣтѣ?“—„Тамъ, гдѣ будетъ и князь“, отвѣчалъ епископъ. Князь обидѣлся. „Тіунъ не право судитъ, мзду емлетъ, зло дѣлаетъ, а я что дѣлаю?“ говоритъ князь. На это епископъ далъ такое поученіе: добрый князь избираетъ и волостелемъ добраго и праведнаго мужа; такой князь будетъ въ раю, а съ нимъ и тіунъ. Напротивъ, недобрый князь, жадный къ деньгамъ, требуетъ, чтобы тіунъ добывалъ ему побольше денегъ, напускаетъ его на людей, какъ гладнаго пса на мясо: такой князь будетъ въ аду, а тіунъ съ нимъ. Въ древнерусской литературѣ есть родъ поученій о судьяхъ и князьяхъ, неправо судящихъ и мзду пріемлющихъ. Эти поученія частью оригинальныя, частью пе-

реводныя съ греческаго угрожаютъ судящимъ неправо, безъ милосердія наказаніемъ судомъ Божіимъ. Въ то время вошелъ даже и въ поговорку совѣтъ: не имѣй двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что его тіунъ, какъ огонь отъ сухихъ дровъ, а рядовичи его (т.-е. помощники), какъ искры: если остережешься отъ огня, то отъ искръ не можешь остеречься, не можешь уберечь своего платья. Такъ говоритъ Слово Даніила Заточника. Даже пріятели тіуновъ грѣшатъ тѣмъ же. Про св. Никиту, угодника печерскаго, его житіе разсказываетъ, что до своего постриженія въ монастырѣ онъ велъ дружбу съ мытарями и судьями, почему причинялъ людямъ много мятежей и напастей и неправды.

Не удивительно поэтому, что до насъ дошло не мало извѣстій, разсказывающихъ о народныхъ волненіяхъ, направленныхъ противъ судей, тіуновъ, тысяцкихъ и другихъ правителей, а также и противъ князей, назначавшихъ такихъ лицъ. Эти народныя вспышки обыкновенно кончались грабежомъ дворовъ такихъ судей.

Прежде, чѣмъ окончить изложеніе вопроса о княжеской администраціи, надо обратить вниманіе еще на одну сторону дѣла. Княжеская администрація вообще была немногочисленна и не пользовалась, какъ мы видимъ, особенно лестной репутаціей въ средѣ населенія. Однако населеніе вовсе не находилось въ полномъ и безотвѣтномъ подчиненіи, во всѣхъ отношеніяхъ, этой администраціи. Оно имѣло и свои органы управленія и контролировало дѣятельность княжеской администраціи. Населеніе разбивалось на „міры“ (терминъ уже хорошо извѣстной Русской Правдѣ). Міры, общины, были сельскіе (верви) и городскіе (послѣдніе въ большихъ городахъ еще разбивались на кончанскіе и уличанскіе) и имѣли своихъ выборныхъ представителей. Всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались на сходкахъ, здѣсь же обсуждалась,

какъ и на вѣчахъ всей земли, дѣятельность посадниковъ и др. лицъ. Изъ перечня чиновъ немногочисленной княжеской администраціи легко замѣтить, что она больше всего развита по финансовой части, т.-е. по сбору пошлинъ, и по судебной. Собираніе пошлинъ вполнѣ находилось въ рукахъ сборщиковъ, но уже на судѣ постоянно фигурируютъ „добрые люди“ и вообще представители общинъ, самый процессъ судебный отправляется публично: все это служило защитою членамъ общины отъ несправедливости княжескихъ посадниковъ и тіуновъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Вѣче 5

II. Происхожденіе и паденіе вѣчевого строя. 25

III. Князь. 32

IV. Княжеская дума. 43

V. Княжеская администрація 54

1926

~~8-16/XII 23~~

8-6/I 24.

8/24/I 24

ЗАСАМАРСКАЯ
Городская публичная
ВНЕСЛОЖЕНИЕ
№ по инвент.

СГ66

Изданія Т-ва И. Д. Сытина:

Книга для чтенія по русской исторіи,

составленная при участіи профессоровъ и преподавателей

подъ редакціей профессора **М. В. Довнаръ-Запольскаго.**

Книга составлена изъ спеціально для нея написанныхъ статей проф. Д. Н. Айналовымъ, проф. В. Б. Антоновичемъ, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, Л. М. Гнѣвушевымъ, В. І. Георгіевскимъ, проф. П. В. Голубовскимъ, проф. Ю. В. Готье, проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ, проф. В. З. Завитневичемъ, П. И. Ивановымъ, И. М. Катаевымъ, проф. Ю. А. Кулаковскимъ, проф. А. М. Лободой, Н. М. Мендельштамъ, проф. В. Н. Перетцомъ, проф. А. Л. Погодинымъ, проф. Н. И. Смирновымъ, Д. Н. Ушаковымъ, С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелёвымъ.

М. Н. П. **допущена** въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Главн. Упр. Воен.-Учебн. завед. **рекомендована** въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ, а также въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Учебн. Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ **одобрена** для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ семинарій.

Т. I. М. 1904 г. Цѣна 3 руб.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

К. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ **Москвѣ:** 1) Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря,
2) Ильинскія ворота, д. Титова,
3) Чижольская ул., домъ гр. Орлова-Давыдова.
въ **Петербургѣ**, Вол. Садовая, д. № 25;
въ **Кіевѣ**, Подоль. Гостиный дворъ;
въ **Варшавѣ**, Краковское предм., д. № 1;
въ **Екатеринбургѣ**, Покровскій просп., д. Ермолаева;
въ **Воронежѣ**, Московская улица;
въ **Одессѣ**, Преображенская ул., д. № 58;
въ **Харьковѣ**, Университетская улица, д. № 41, Чикиныхъ;
въ **Ростовѣ-на-Дону**, Московская ул., д. Ященко;
въ **Иркутскѣ**, Большая улица, д. Никитина;
въ **Нижегородской ярмаркѣ**, на Шоссе.